

МАХАТМА ГАНДИ

*Стране славы и порабощения, односменных
царствований и вечных мыслей.*

*Народу, над которым не властно время, —
Воскресшей Индии*

В годовщину приговора над ее Мессией

(18 марта 1922)

В начале этой книги я выражаю искреннюю благодарность моей первой сотруднице — сестре, а также моему другу, Калидасу Нагу, обширные познания и неустанная помощь которого направляли мои шаги в чаще индийской мысли.

Благодарю также издателя С. Ганезана в Мадрасе, предоставившего в мое распоряжение большое количество своих изданий.

Великая Душа — Махатма... ¹ Человек, который стал единым с Бытием вселенной.

I

Спокойные темные глаза. Маленький хилый человечек, с худощавым лицом, с большими торчащими ушами, с белым тюрбаном на голове. Он одет в грубую белую ткань, ноги босы. Он питается рисом, фруктами, пьет одну только воду, спит на полу, спит мало, неустанно работает. У него как будто вовсе нет тела. С первого взгляда ничто в нем не поражает, *кроме выражения великого терпения и великой любви*. Пирсон, увидев его в 1913 г. в Южной Америке, вспомнил Франциска Ассизского.

Он прост, как ребенок ², кроток и вежлив даже со своими противниками³, безупречно искренен⁴. Он судит о себе скромно, порою доходит до того, что

¹) Это — буквальное значение имени, данного Ганди народом Индии: *Mahâ* — великая; *Atmâ* — душа. Слово это восходит к Упанишадям, где оно означает верховное Существо и тех, кто соединяется с ним единением познания и любви:

*Он — светлое Единство, Создатель Всего, Махатма,
Живущий всегда в сердце народов,
Открываемый Сердцем, интуицией, разумом;
Познающий его становится бессмертным.*

Тагор, посетивший в декабре 1922 г. Ашрам (любимое место уединения Ганди), цитировал эти прекрасные стихи, применяя их к учителю.

²) Слова С.-Ф. Эндрьюса, который прибавляет: «Он смеется, как ребенок, и обожает детей».

³) «Мало кто может устоять против обаяния его личности. Самые ревностные его противники становятся мягкими под влиянием его чудесной мягкости» (Джозеф Дж. Док).

колеблется и готов сказать: «Я ошибся»; никогда не скрывает своих заблуждений, никогда не идет на компромисс, чужд всякой дипломатии, избегает ораторских аффектов или, вернее, не думает о них⁵; чуждается народных манифестаций, раздражающихся при виде его; иной раз в таких манифестациях его хрупкая фигура рисковала бы быть раздавленной, если бы не его друг Маулана Шаукат Али, заслоняющий его своим мощным телом; *он буквально заболевает при виде обожающей его толпы*⁶. В глубине души у него живет недоверие к многочисленности и отвращение к *Mobocracy*, разнузданной черни; он чувствует себя хорошо лишь среди меньшинства, счастлив лишь в уединении, когда внимает still small voice (тихому неслышному голосу), который повелевает...⁷

Его настоящее имя — Мохандас Карамчанд Ганди. Он родился в маленьком полусамостоятельном государстве, на северо-западе Индии, в Порбандаре, *белом городе*, на Оманском заливе, 2 октября 1869 г. Его соплеменники, — народ пылкий, подвижной, лишь недавно переживший волнения гражданских войн. Народ практический, обладающей деловым чутьем, распространивший свою торговлю от Адена до Занзибара. Его дед и отец, бывшие оба премьер-министрами, оба подвергались опале за свою независимость и были вынуждены бежать, спасая свою жизнь. Он происходил из среды богатой, интеллигентной, культурной, но не из высшей касты. Родители его принадлежали к Джаинскому толку Индуизма, одним из великих принципов которого является *Ахимса*⁸: этот принцип ему предстояло победоносно утвердить в мире.

Для джаинистов путем, который приводит к богу, служит *любовь* — более, чем разум. Отец Махатмы не придавал никакой цены деньгам и оставил их своей семье мало, почти все свое состояние истратив на благотворительность. Мать, строго религиозная, была индийской святой Елизаветой; она постилась, раздавала милостыню и ухаживала за

⁴) «Всякое уклонение от истины, даже случайное, для него невыносимо» (С.-Ф. Эндрьюс).

⁵) «Он не принадлежит к числу страстных ораторов; его манера говорить — спокойная и медленная; он обращается преимущественно к разуму. Но, благодаря его спокойствию, его теми выступают в особенно ясном освещении. Переходы его голоса разнообразны, но полны необычайной искренности. Он никогда не размахивает руками, редко даже пошевелит пальцем, когда говорит. Его ясная речь, состоящая из нервных фраз, невольно убеждает. Он не оставляет ни одного пункта, пока не убедится, что его правильно поняли» (Джозеф Дж. Док).

⁶) *Joung India*, 2 марта 1922 г. (даты, указанные внизу страниц этой книги, относятся к статьям Ганди, опубликованным в *Joung India*).

⁷) Ibid.

⁸) А — отрицание: *himsā* — делать зло. Не вредить никакой жизни. Никакого насилия. Один из древнейших принципов индуистской религии, в особенности поддерживавшийся Махавирой, основателем Джаинизма, Буддой и приверженцами культа Вишну, имевшего большое влияние на Ганди.

больными. В семье регулярно читали Рамайяну. Первоначальное воспитание Ганди было поручено брамину, который заставлял его повторять тексты Вишну⁹. Но позднее он жаловался, что не был достаточно начитан в санскрите: это один из упреков, который он делал английскому воспитанию, лишившему его сокровищ родного языка. Однако он очень хорошо знаком с индусским священным писанием, но читает Веды и Упанишады лишь в переводах¹⁰.

Еще будучи в школе, он пережил серьезный религиозный кризис. Из протеста против идолопоклоннического выродившегося индуизма, он некоторое время был — или считал, что был — атеистом. Вместе с товарищами он дошел в своем нечестии до того, что тайком ел говядину (самое страшное кощунство для индуса). При этом он чуть не умер от ужаса и отвращения¹¹.

Женившись еще ребенком¹², он в девятнадцать лет отправился заканчивать свое образование в Англию, в лондонский университет и Школу правоведения. Мать согласилась на его отъезд лишь после того, как он дал три обета Джаинистов, обязывающих воздерживаться от вина, мяса и половых сношений. Он прибыл в Лондон в сентябре 1888 г. После первых месяцев неопределенности и разочарований — он по наивности растратил много времени и денег, чтобы стать, как он говорил, английским джентльменом, — он принудил себя к строгой жизни и сосредоточенной работе. Друзья познакомили его с Библией; но для него еще не пришло время понять ее. Он соскучился уже на первых книгах и не пошел далее Исхода. Зато именно в Лондоне он впервые открыл красоту Бхагавад Гиты. Он был ею очарован. Она была тем светом, в котором нуждался маленький индус вдали от родины. Она возвратила ему веру. Он почувствовал, что «для него спасение возможно было только через индусскую религию»¹³.

Он вернулся в Индию в 1891 г. Печальное возвращение. Его мать недавно умерла, и от него это скрыли. Он стал адвокатом в Бомбейском верховном суде. Через несколько лет он отказался от своей профессии, сочтя ее безнравственной. Но и в то время, когда он ею занимался, он

⁹) До семи лет он учился в начальной школе в Порбандаре, затем в общественной школе в Раджкоте; десяти лет он поступил в High-School в Катиаваре, семнадцати лет перешел в Ахмедабадский университет.

¹⁰) Он рассказал о своем детстве в искренней речи на Совещании «тех, к кому нельзя прикасаться» (париев), 13 апреля 1921 г.

¹¹) Позднее он рассказал о своих переживаниях Джозефу Дж. Доку. Он потерял от них сон; он считал себя убийцей.

¹²) Он был помолвлен восьми лет, женат — двенадцати. Впоследствии он боролся против ранних браков, считая их губительными для расы. Однако он прибавляет, что в исключительных случаях подобный союз на всю жизнь, начало которому положено до формирования характера, может дать чудесное единство душ между супругами. Его собственный брак является тому удивительным примером. Жена Ганди разделяла все испытания своего мужа с постоянной и неизменной верностью и мужеством.

¹³) Речь 13 апреля 1921 г.

оставлял за собой право отказаться от защиты дела, если видел, что оно несправедливо.

Уже в это время некоторые лица, игравшие значительную роль в Индии, пробуждали в нем предчувствия его будущей миссии: «*некоронованный король*» Бомбея: Парси Дадабхай и профессор Гокал, оба горевшие благоговейной любовью к Индии; Гокал — один из лучших государственных людей своей страны, один из первых, кто возродил индийское просвещение; Дадабхай — основатель индийского национализма (по свидетельству Ганди)¹⁴, оба они — образцы мудрости и кротости. Именно Дадабхай, сдерживая юношеский пыл Ганди, дал ему в 1892 г. первый урок *Ахимсы* в общественной жизни: героической пассивности, если вообще возможно сочетать оба эти слова, страстного порыва души, сопротивляющейся злу не злом, а любовью. Мы еще вернемся к этому магическому слову, великой вести, которую Индия несет миру.

В 1893 г. начинается деятельность Ганди на благо Индии. Она распадается на два периода. С 1893 г. полем ее является Южная Африка. С 1914 г. она протекает в Индии.

То, что эта двадцатилетняя деятельность в Южной Африке осталась столь мало известной в Европе, служит доказательством невероятной узости горизонта наших политических деятелей, историков, мыслителей и людей веры: ибо это целая эпопея души, которой нет равной в наше время не только по силе и постоянству жертвы, но и по окончательной победе, которую она одержала.

В 1890—1891 гг. в Южной Африке, преимущественно в Натале, проживало до ста пятидесяти тысяч индусов. Приток этого чуждого народа вызвал в белом населении ненависть к иностранцам, которой правительство дало выражение мерами остракизма. Оно решило запретить иммиграцию из Азии и заставить выехать тех, кто обосновался в стране. Систематические преследования сделали их жизнь невыносимой: тяжкие налоги, унижительные полицейские меры, публичные оскорбления и, наконец, суды Линча, грабежи и погромы под эгидой белой цивилизации.

В 1893 г. Ганди приехал в Южную Африку, вызванный в Преторию для защиты важного дела. Он был в полном неведении о положении индусов в Африке. С первых же своих шагов в Натале, а особенно в голландском Трансваале, он пережил жестокие испытания. Этот индус высшей расы, всегда хорошо принятый в Англии и привыкший до сих пор считать европейцев своими друзьями, оказался здесь мишенью самых грубых издевательств; его выбрасывали из отелей и из поездов, его оскорбляли, били по щекам, ударяли ногами. Он немедленно вернулся бы в Индию, но

¹⁴) Эти провозвестники, политическая смелость которых была впоследствии далеко превзойдена, испытали неблагодарность и забвение новых поколений. Но Ганди остался им верен, особенно Гокалу, с которым его связывала благоговейная симпатия. Я не раз требовал от молодой Индии почтения к его имени и к имени Дадабхая (см. *Hind Swarāj. Письмо к Парсам* от 23 марта 1921 г. и *Исповедание Веры* от 13 июля 1921 г.).

договор на двенадцать месяцев связывал его с клиентами. За эти двенадцать месяцев он научился владеть собой. Когда срок кончился, он хотел сейчас же уехать; но ему стало известно, что правительство готовит законопроект, отнимающий у индусов их последние льготы. Африканские индусы не имели сил бороться; они были безвольны, неорганизованны, деморализованы. Им нужен был вождь, нужна была душа. Ганди пожертвовал собой. Он остался.

И вот начинается эпическая борьба совести против силы государства, против грубой массы. Будучи в то время еще адвокатом, он начал с того, что доказал юридически незаконность акта об исключении азиатских народов; и, несмотря на сильнейшую оппозицию, он если не фактически, то юридически выиграл свое дело перед общественным мнением Наталя и Лондона. Он собирает подписи под громадными петициями, организует индийский Конгресс в Натале, создает Ассоциацию просвещения индусов; несколько позднее он основывает журнал *Indian Opinion*, выходящий на английском и трех индийских языках. Далее, желая обеспечить своим соотечественникам достойное положение в Африке, он, чтобы вернее их защищать, делается им равным. В Йоганнесбурге у него была доходная практика¹⁵; он отказался от нее, чтобы, как св. Франциск, сочетаться с бедностью. Он живет общей жизнью с несчастными и преследуемыми индусами; он разделяет с ними испытания и освящает их, проповедуя им закон непротivления. В 1904 г. он создает в Фениксе, близ Дурбана, сельскохозяйственную колонию по идее Толстого, перед которым он преклонялся¹⁶. Он собирает там индусов, раздает им участки, заставляет их произнести торжественный обет бедности. Сам он берет на себя самые низкие обязанности. Так в течение нескольких лет этот безмолвный народ сопротивлялся правительству. Он ушел из городов; индустриальная жизнь страны парализована. Это — религиозная стачка, о которую разбивается всякое насилие, как разбивалось насилие империалистического Рима о стойкость первых христиан. Но немногие из этих христиан довели бы учение прощения и любви до такой степени, чтобы, как это сделал Ганди, приходить на помощь преследователям, когда они находились под угрозой. Всякий раз, когда Южноафриканское государство стояло лицом к лицу с серьезными

¹⁵) Он зарабатывал, говорит Гокал, от пяти до шести тысяч фунтов в год. С этих пор он начал жить на три фунта в месяц.

¹⁶) *The Golden Number of Indian Opinion*, вышедший в Фениксе в 1914 г., публикует длинное письмо Толстого к Ганди, написанное им 7 сентября 1910 г., незадолго до смерти. Толстой читал *Indian Opinion* и радовался тому, что он узнал из этого журнала об индусских непротivленцах. Он приветствует движение и говорит, что «непротivление есть закон любви, то есть стремление к единению человеческих душ». Это — закон, провозглашенный Христом и мудрецами всего мира.

Наш друг Павел Бирюков нашел в Толстовском архиве в Москве другие письма Толстого к Ганди. Он предполагает опубликовать их вместе с коллекцией писем Толстого к различным лицам, принадлежавшим к азиатским народностям, под общим заглавием: *Толстой и Восток*.

опасностями, Ганди прекращал бойкот индусами общественных дел и тотчас же предлагал свою помощь. В 1899 г., во время бурской войны, он организовал индийский Красный Крест, который дважды был с похвалой упомянут в приказах за храбрость под огнем. В 1904 г. в Йоганнесбурге вспыхнула чума: Ганди организовал госпиталь. В 1906 г. в Натале восстали туземцы: Ганди принял участие в войне, во главе корпуса санитаров, и правительство Натала публично выразило ему благодарность.

Эти рыцарские поступки не ослабили бешеных выпадов против иностранцев. Ганди много раз бросали о тюрьму¹⁷ (притом вскоре после официальных благодарностей за участие в войне в Натале), приговаривали к заключению и к принудительным работам, взбешенная чернь избивала его палками¹⁸; один раз его бросили, считая мертвым; он испытал все страдания и все унижения. Ничто не сломило его веры. Она лишь выросла от испытаний. В 1908 г. он написал, в ответ сторонникам жестоких мер в Южной Африке, свою знаменитую книжку *Hind Swaraj* (Самоуправление Индии), евангелие героической любви¹⁹.

Борьба длилась в течение двадцати лет и достигла наибольшей остроты между 1907 и 1914 годами. Южноафриканское правительство провело новый акт против азиатов, несмотря на противодействие просвещенных англичан. Тогда Ганди организовал непротivление во всей его широте. В сентябре 1906 г. собравшиеся в Йоганнесбурге индусы торжественно дали клятву «Пассивного сопротивления». Все азиаты без различия расы, касты, религии, богатые и бедные, соединились в этом самоотречении; африканские китайцы тесно объединились с индусами. Их тысячами подвергали заключению; за отсутствием достаточно обширных тюрем их заточали в шахты. Но тюрьма, казалось, имела для них притягательную силу. Преследовавший их генерал Сметс дал им название *Conscientious Objectors*. Ганди отбывал заключение трижды²⁰. Были случаи смерти, были мученики. Движение росло. В 1913 г. оно перебросилось из Трансвааля в Наталь. Грандиозные стачки, страстные митинги, массовый поход индусов через Трансвааль возбудили общественное мнение в Африке и Азии. Негодование достигло пределов Индии, и вице-король, лорд Гардинг, сам явился его громким выразителем в Мадрасе.

¹⁷) Он сам со спокойным благодушием рассказал о своих тюремных переживаниях в любопытной статье, воспроизведенной в книге *Speeches and writings of M. K. Gandhi*, Natesan, Мадрас, стр. 152—178.

¹⁸) В 1907 г. — его собственные соотечественники; ибо ему приходилось страдать от насилий и угнетателей и угнетаемых; последним была подозрительна умеренность Ганди, а правительство делало все, что могло, чтобы его скомпрометировать.

¹⁹) Я вернусь к этому позднее.

²⁰) Джозеф Дж. Док, беседы которого с Ганди в Трансваале явились для нас таким откровением, кончает свою книгу, в октябре 1908 г., образом Ганди в одежде каторжника, которого ведут в Йоганнесбургскую крепость и бросают в тюрьму вместе с гнусными уголовниками-китайцами.

Непоколебимая стойкость и обаяние *великой души* сделали свое дело; сила склонила колени перед героической кротостью²¹. Наиболее ярый противник дела индусов, генерал Сметс, который в 1909 г. объявил, что никогда не вычеркнет из Книги Статутов ни одной из мер, оскорбительных для индусов, через пять лет почел себя счастливым, что ее уничтожил²². Имперская комиссия признала Ганди правым почти по всем пунктам. В 1914 г. особым актом был отменен налог в три фунта и было предоставлено право проживания в Натале всем индусам, которые желали там остаться в качестве свободных трудящихся. После двадцати лет жертв неппротивление победило.

Ганди возвратился в Индию, окруженный ореолом вождя.

Движение за национальную независимость наметилось там уже с начала столетия. Лет тридцать назад несколькими просвещенными англичанами — А. С. Юмом, сэром Вильямом Уэддерберном, викторианцами-либералами, был основан Индийский национальный конгресс; они долгое время поддерживали в нем лояльные настроения, стремясь примирить интересы Индии с английским господством. Победа Японии над Россией пробудила азиатскую гордость, а провокационные действия лорда Керзона оскорбили индийских патриотов. В недрах самого Конгресса образовалась экстремистская группа, агрессивный национализм которой нашел отклик в стране. Однако старая конституционная партия, под влиянием Дж. Гокала, оставалась до самой мировой войны искренно-патриотичной и в то же время верной Англии; национальное чувство, одушевлявшее с той поры это Собрание представителей Индии, заставляло всех их требовать *Home Rule (Сварадж)*. Относительно сущности последнего у них, однако, не было единомыслия: одни шли на совместную деятельность с Англией, другие желали изгнать из Индии европейцев; одни избирали образцом Канаду и Южную Африку, другие — Японию. Ганди пришел со своим решением, скорее религиозным, чем политическим, по существу более радикальным, чем все остальные (*Хинд Сварадж*). Но для приспособления его к требованиям действительности у него не доставало точного знакомства со средой, ибо хотя его длительная работа в Африке была для него несравненной школой для познания индусской души и непреодолимого оружия *Ахимсы*, все же он в течение двадцати трех лет был оторван от своей страны. Он сосредоточился и стал наблюдать²³.

Он был еще так далек от помышлений о восстании против Империи, что, когда с 1914 г. разразилась война, он отправился в Англию для организации отряда санитаров. «Он добросовестно думал (пишет он в 1921 г.), что

²¹) Вмешательство двух благородных англичан: С. Ф. Эндрьюса и В. В. Пирсона явилось весьма действительной поддержкой для усилий Ганди.

²²) Ганди напоминает об этом факте в статье от 12 мая 1920 г.

²³) Его любимый учитель, Гокал, только что скончавшийся, взял с него обещание, что он не будет вмешиваться в активную политику, не совершив по крайней мере годичного путешествия по Индии и не ознакомившись близко со своим народом, с которым он потерял соприкосновение.

является гражданином Империи». Он неоднократно вспоминает об этом в своих письмах от 1920 г. *ко всем англичанам Индии*: «Дорогие друзья, никто из англичан не сотрудничал так тесно с Империей, как я в течение двадцати девяти лет моей общественной деятельности. Я четырежды подвергал свою жизнь опасности ради Англии... До самого 1919 г. я с искренним убеждением стоял за сотрудничество...»

Он был не один. Вся Индия в 1914 г. попала на удочку лицемерного идеализма войны за Право. Ища сотрудничества Индии, английское правительство обмануло ее взоры великими надеждами. Столь желанный Home Rule был представлен как одна из ставок войны. В августе 1917 г. талантливый секретарь Империи по делам Индии, Е. С. Монтэгю, обещал Индии ответственное правительство; последовало совещание в Индии, и в июле 1918 г. вице-король, лорд Чельмсфорд, подписал, вместе с Монтэгю, официальный доклад о конституционной реформе. Тогда в первые месяцы 1918 г. союзные армии были в опасном положении. 2 апреля Ллойд-Джордж обратился с призывом к народам Индии; и военное совещание, созванное в Дели в конце того же месяца, дало понять, что независимость Индии уже близка. Поэтому Индия откликнулась самым единодушным образом, а Ганди еще раз обещал Англии свою поддержку и лояльность. Индии дала 985 000 человек; она принесла огромные жертвы и доверчиво ждала награды за свою верность.

Пробуждение было ужасно. К концу года опасность миновала; исчезла и память об оказанной помощи. После заключения перемирия английское правительство не сочло более нужным притворяться. Оно не только не дало Индии обещанных свобод, но уничтожило и те, которые существовали прежде. В Биллях Роуллетта, представленных Имперскому законодательному совещанию в Дели в феврале 1919 г., проявлялось окончательное недоверие к стране, давшей столько доказательств своей лояльности; в них узаконялись положения Акта защиты Индии во время войны, восстанавливалась тайная полиция, цензура, все тиранические приемы настоящего осадного положения.

Разочарованная Индия негодуя поднялась. Началось восстание²⁴. Ганди организовал его.

В течение предшествующих лет он сосредоточился на социальных реформах, работая главным образом над улучшением положения сельскохозяйственных рабочих. Во время аграрных беспорядков 1918 г. в Кайре, в Гуджерате, в Чампаране, в Бухаре, он смог, — власти не обратили на это должного внимания, — испытать мощное оружие, которое вскоре было им применено в национальной борьбе: страстное, свойственное ему, непротивление, которые мы изучим далее под названием, данным ему Ганди: *Сатьяграха*.

Но до 1919 г. он оставался на заднем плане и несколько в стороне от индийского национального движения, передовые элементы которого,

²⁴) Начало движения Сатьяграха можно отнести к 28 февраля 1919 г.

объединенные в 1916 г. Анни Безант (скоро оно переросло ее), считали своим вождем великого индуса Локаманья Бал Гаягадхара Тилака. Это был человек исключительной энергии, соединивший как бы в железном пучке три великих свойства — разум, волю и характер — с умом, более широким, чем у Ганди, с более солидной основой древней азиатской культуры, — ученый, математик, с блестящей эрудицией, пожертвовавший всеми запросами своего таланта ради служения родине; лишенный, подобно Ганди, всякого личного честолюбия, он ждал лишь победы своего дела, чтобы сойти со сцены и вернуться к научной работе. До конца жизни он был признанным вождем Индии. Что произошло бы, если бы преждевременная смерть не унесла его в августе 1920 г.? Ганди, преклонявшийся перед превосходством его гения, глубоко отличался от него своими политическими приемами, и если бы Тилак был жив, Ганди, без сомнения, сохранил бы за собой лишь известное религиозное руководство движением. Можно представить себе, каким мог быть порыв народов Индии под властью этих двух вождей. Ничто не могло бы противостоять ему, ибо Тилак так же умел управлять действием, как Ганди — внутренними силами. Судьба решила иначе: об этом можно пожалеть и для Индии и для самого Ганди. Роль вождя меньшинства, небольшой группы избранных, в моральном отношении больше соответствовала бы его природе и его тайным желаниям. Он охотно предоставил бы Тилаку руководство большинством. Он никогда не верил в большинство. У Тилака же была эта вера. Действительный математик, он верил в число. Он был рожден демократом. Кроме того он решительно склонялся на сторону политики, не считаясь с религиозными требованиями. Он говорил, что политика не для Садху (святых, благочестивых людей). Этот ученый, по его собственным словам, пожертвовал бы даже истиной ради свободы своей страны. И этот цельный человек, жизнь которого была безукоризненно чистой, утверждал без колебания, что между такой личностью и большевиками были бы вполне возможны идейные сношения. Но идеи Ганди этого не допускали²⁵. Споры между Тилаком и Ганди, при всем их взаимном признании и уважении, привели лишь к тому, что установили противоположность их методов, то есть у людей, столь абсолютно искренних, у которых формы действия и точности следуют формам мысли, — противоположность императивов, управляющих их существованием. Лицом к лицу с Тилаком, Ганди утверждает, что, в случае необходимости выбора, он пожертвовал бы свободой ради истины. И хотя он питает благоговейную любовь к своей стране, он все же ставит религию выше страны:

*«Я сочетался с Индией, я обязан ей всем. Я считаю, что у нее своя миссия. Если она ей изменит, это будет для меня часом испытания, и я уповаю, что не сдамся. Моя религия не имеет географических границ. Если моя вера жива, она превзойдет мою любовь к Индии...»*²⁶

²⁵) Он определенно высказался против большевизма (24 ноября 1921 г.).

²⁶) 11 августа 1920 г. Ганди возражает здесь против «доктрины меча».

Великие слова, выясняющие весь человеческий смысл той борьбы, которую нам предстоит теперь описать: ибо в них апостол Индии становится апостолом всего мира, согражданином всех²⁷. И ради нас всех идет борьба, начатая четыре года назад Махатмой.

Нужно отметить, что даже в этот момент, когда он становится во главе движения протеста против Акта Роулетта, он делает это, «чтобы отклонить движение от пути насилия»²⁸, ибо, так или иначе, возмущенно начинается, и нужно взять его в руки.

Чтобы ясно понять то, что последует далее, нужно помнить, что мысль Ганди развивается как бы в двух этажах: внизу — обширное здание религиозных основ, над ним — социальное действие, которое он надстраивает на этих невидимых основах, приспособляя его к возможности момента и требованиям страны. Он — религиозный деятель по натуре, политик — в силу необходимости. По мере того как ход событий и исчезновение других вождей народа заставляют его взять на себя управление кораблем во время буря, утверждается практический и политический характер его действий. Но существенной частью здания остается все же подземелье: оно обширно и глубоко, и должно бы служить основой совсем другому храму, чем тот, который приходится возводить наспех; только оно одно — прочно, остальное — временно и служит лишь для использования в эти переходные годы. Необходимо поэтому знать ту подземную церковь, где мысль Ганди находит верное прибежище. Здесь он ежедневно уединяется, чтобы черпать силы для работы вверх.

Ганди горячо исповедует религию своего народа, Индуизм, но не как ученый, приверженный к текстам, и тем более не как лишенный чувства критики ханжа, слепо принимающий всякую традицию. Его религия проверяется вдвойне как совестью, так и разумом.

«Я не стану делать фетиш из религии и я не оправдываю любое зло ее святым именем...»²⁹ Я не хочу увлекать за собой ни одного человека, если не могу взывать к его разуму. Я готов отвергнуть божественность самых древних Шастр, если они не убеждают моего разума...»³⁰

С другой стороны, — и это весьма существенно, — он не признает за Индуизмом и не допускает в нем никакой исключительности:

«Я не верю в исключительную божественность Вед. Я полагаю, Что Библия, Коран и Зенд-Авеста так же боговдохновенны, как и Веды... Индуизм — не миссионерская религия. В нем есть место для преклонения перед всеми пророками мира... Он предписывает каждому почитать бога

²⁷) «Человечество едино. Есть различия рас; но чем выше раса, тем более она имеет обязанностей» (*Ethical Religion*).

²⁸) 5 ноября 1919 г.

²⁹) 27 октября 1920 г.

³⁰) Июль 1920 г. «Моя вера не требует, чтобы я считал все стихи боговдохновенными... Я отказываюсь быть связанным каким-либо истолкованием, если оно неприемлемо для разума и для нравственного чувства...» (6 октября 1921 г.).

соответственно своей собственной вере или Дхарме; и, таким образом, он мирно сосуществует со всеми религиями». ³¹

Он хорошо видит заблуждения и пороки, которые с течением времени вкрались в Индуизм, и бичует их. Но...

«Я могу описать мое чувство к Индуизму так же, как и чувство к моей собственной жене. Она волнует меня, как ни одна женщина в мире. В то же время это не значит, что у нее нет недостатков; я уверен, что у нее их даже больше, чем я замечаю; но у меня всегда есть ощущение неразрывной связи между нами. Так и с Индуизмом, несмотря на все его недостатки и ограничения. Ничто не восхищает меня так, как музыка Гиты и Рамайяны — двух единственных книг, на знание которых я могу претендовать... Я знаю все пороки, что ныне пятнают великие индусские святилища; но я люблю эти святилища, несмотря на все. Я — крайний реформатор, но я не отвергаю ни одного из основных верований Индуизма». ³²

Каковы же эти основные истины, к которым он присоединяется? Он перечисляет их в статье от 6 октября 1921 г., являющейся его публично объявленным *Credo*:

«1. Я верю в Веды, в Упанишады, в Пураны и во все то, что понимается под именем индусских священных Писаний, и следовательно я верю в Аватары и в перевоплощения.

2. Я верю в Варнашрама Дхарма ³³ (дисциплину каст), но в смысле строю ведическом, а не современном, обывательски-грубом смысле.

3. Я верю в культ охранения коровы в смысле гораздо более широком, чем тот, в котором его понимает народ.

4. Я не отвергаю культа идолов».

Всякий европеец, который остановится при чтении на этих строках *Credo*, скажет сразу, что мысль, выраженная в них, так отлична от нашей, так тесно заключена в рамки социальных и религиозных доктрин, отдаленных по времени, отдаленных в пространстве, несоизмеримых с нашим разумом, что бесполезно стараться постигнуть ее. Пусть, однако, читает дальше. Несколькими строками ниже он найдет более знакомые мысли:

«Я верю в индусское изречение, что не знает по-настоящему Шастр тот, кто не достиг совершенства в невинности (Ахимса), в истине (Сатья), в самообладании (Брахмачарья) и не отрекся от всякого стяжания и от обладания богатствами».

Здесь слово индуса сближается со словом Евангелия. И Ганди признавал это родство. Его *Ethical Religion* заканчивается словами Христа... ³⁴ Когда

³¹) Ibid. «Все религии — различные пути, сходящиеся у одной цели» (*Hind Swarāj*). «Все основано на одних и тех же нравственных законах. Моя этическая религия состоит из законов, объединяющих всех людей в мире» (*Ethical Religion*).

³²) В октябре 1921 г.

³³) Этимологически: *Varna*: цвет, класс или каста: *ashrama*: узы дисциплины: *dharma*: религия. Общество изображается как дисциплина классов. Это — основа Индуизма.

³⁴) «Ищите царства божия и правды, и все остальное приложится вам».

один английский пастор в 1920 г. спрашивал его, какие книги оказали на него наиболее сильное влияние, он сразу ответил: Новый завет³⁵. Более того, по его собственному признанию³⁶, откровение пассивного сопротивления в 1893 г. было дано ему Нагорной проповедью. Его собеседник с удивлением спросил его:

— Разве вы не получили его раньше при чтении индуистских книг?

Нет, — настаивает Ганди. — Я и раньше знал Бхагавад-Гиту и восхищался ею. Но именно Новый завет открыл мне ценность пассивного сопротивления. Радость переполняла меня, когда я читал его. Бхагавад-Гита подкрепила это впечатление; а *Царство божие внутри вас* Толстого придало ему прочную форму³⁷.

Не нужно, действительно, забывать, что этот азиатский верующий был воспитан Толстым³⁸, что он переводил Рескина³⁹ и Платона⁴⁰, что он основывается на Торо, восхищается Мадзини, читает Эдуарда Карпентера и что на мысль его наложила печать мысль Европы и Америки. Нет причин к тому, чтобы европеец оставался далее чужд его мысли, если он даст себе труд приблизиться к ней. Тогда он постигнет глубокий смысл тех пунктов Credo, буква которых изумляет его. Два из них на первый взгляд воздвигают непроницаемую стену между религиозным духом Индии и Европы: культ охранения коровы и система каст⁴¹. Но посмотрим, что они означают в глазах Ганди.

³⁵) *Joung India*, 25 февраля 1920 г.

³⁶) Джозефу Дж. Доку, в 1908 г.

Он был даже близок к тому, чтобы принять в Восточной Африке христианство, но чтение индуистских книг, которые давали ему более полное удовлетворение, удержало его в индуизме.

³⁷) Он говорил также Дж. Доку:

«Бог в веках воплощался в различных формах. В Гите Кришна говорит: «Когда религия приходит в упадок, когда преобладает безрелигиозность, тогда я проявляюсь. Для защиты добра, для разрушения зла, для твердого установления Дхармы я возрождаюсь вновь и вечно. Христианство составляет часть моей теологии. Христос — блистательное проявление бога. Но не единственное проявление. Я не вижу его на уединенном троне...»

³⁸) В конце брошюры *Hind Swarāj* имеется составленный Ганди список статей Толстого, которые он рекомендует читать (в частности: *Царство божие внутри вас*; *Что такое искусство?*; *Что делать?*).

Он говорит Джозефу Дж. Доку о глубоком влиянии, которое оказал на него Толстой. Но он прибавляет, что он не следовал ему в его политических воззрениях. На заданный ему в 1921 г. вопрос: «В каких отношениях вы с графом Толстым?» — Ганди отвечает в *Joung India* (25 октября 1921 г.): «В отношениях преданного почитателя, который ему обязан многим в жизни».

³⁹) У Рескина он особенно любил книгу *Crown of Wild Olive* (Венок из диких оливок).

⁴⁰) *Апология и смерть Сократа*, переведенная Ганди, была в числе книг, запрещенных правительством Индии в 1919 г.

⁴¹) Здесь не место останавливаться на культе идолов. «Я их не почитаю, — пишет Ганди, — но это составляет часть человеческой природы». Он считает его заслуживающей уважения потребностью, присущей слабости человеческого духа, который иногда должен воплотить свое верование во что-нибудь материальное, чтобы

Конечно, для него это не второстепенные пункты в совокупности его учения. Культ охранения коровы характерен для индуизма. Ганди даже видит в нем одно из наиболее высоких утверждений эволюции человечества. Почему? Потому, что он служит символом «всего мира, стоящего *ниже человека*», с которым человек заключает договор дружбы. Он означает «братство между человеком и животным»... И, согласно его прекрасному выражению, «он выносит человека за пределы его породы. Он осуществляет тождественность человека со всем, что живет». Если из всех животных была избрана именно корова, то это потому, что в Индии — она лучший товарищ, источник изобилия; и Ганди видит в «этом кротком животном поэму жалости». Но культ, который он ей оказывает, не имеет в себе ничего идолопоклоннического, и никто не осуждает более строго лишенный доброты фетишизм индусского народа, который соблюдает лишь букву и не осуществляет духа сострадания «к бессловесным созданиям бога».

Однажды поняв этот культ, — кто мог лучше его понять, чем *Ассизский Poverello*, уже перестаешь удивляться тому значению, которое придает ему Ганди. Он прав, говоря, что культ охранения коровы, в том смысле, в каком он его понимает, «*является даром Индии миру*». Ибо к евангельскому учению: *Люби ближнего, как самого себя*, — он добавляет: — *Все, что живет, есть твой ближний*.⁴²

Система каст, пожалуй, еще менее приемлема для европейского ума (по крайней мере для современного европейца, ибо одному богу известно, что готовит нам будущее эволюции, являющейся ныне демократической лишь по названию). Я не льщу себя надеждой, что путем изложения объяснений Ганди достигну того, что они будут приняты, да и не стремлюсь к этому. Но они установят с прямой ясностью, что это верование обусловлено не духом гордости и социального превосходства, а мыслью об исполнении долга на ступени, предназначенной каждому.

«*Я склонен думать, — говорит Ганди, — что закон наследственности верен и всякая попытка его изменить приводит к полному хаосу. Варнашрама присуща человеческой природе, а Индуизм только обратил ее в науку...*»

Но он ограничивает количество классов лишь четырьмя: Брахманов (класс умственной и духовной деятельности), Кшатриев (военный и правительственный), Вайшьев (торговый) и Шудр (физическая работа и деятельность). И он не допускает между ними никаких отношений превосходства или унижения. Это — разные призвания, и только. Обязанности. Никаких привилегий⁴³.

лучше исповедывать его. Здесь мы не видим, следовательно, ничего более того, что мы видим во всех наших католических церквах.

⁴²) О культе коровы см. в *Joung India* статьи от 16 марта, 8 июня, 29 июня, 4 августа 1920 г., 18 мая, 6 октября 1921 г. О кастах — 8 декабря 1920 г., 6 октября 1921 г.

⁴³) Когда, с течением времени, первоначальные классы выродились в горделивые касты, Упанишады возвысили свой голос против этого.

«Если человек отводит себе более высокое место или другому — более низкое, это противоречит духу Индуизма. Все рождены, чтобы служить творению божью: Брахман — своим знанием, Кшатрия — своей покровительственной силой, Вайшья — своим торговым искусством, Шудра — своим физическим трудом. Это не значит, что Брахман избавлен от всякой физической работы, а лишь значит, что он лучше приспособлен для знания; не значит, что Шудра не может достигнуть всяческого знания, а значит лишь то, что он лучше будет служить своим телом и что ему не пристало завидовать обязанностям других. Брахман, который в силу своих знаний претендовал бы на превосходство, тем самым был бы уже изъят из своего класса и не имел бы истинного знания... Смысл существования Варнашрамы в том, чтобы следить за экономией социальной энергии (правильным распределением), и в здоровом принуждении, осуществляемом над самим собою, собственной волей».

Система каст основана, таким образом, на «отречении», а не на привилегии. Не следует кроме того забывать, что, согласно вере в перевоплощение, природа в течение последовательных существований восстанавливает равновесие, превращая Брахмана в Шудру и наоборот.

Вопрос о париях не имеет никакого отношения к вопросу об этих четырех кастах, различных, но равноправных. Мы видим, с какой пламенной страстностью Ганди не перестает бороться с этой социальной несправедливостью: это одна из самых трогательных сторон его апостольства. Он считает ее позором для Индуизма, отвратительным искажением истинного учения, пятном, и нестерпимо от этого страдает.

*«Я скорее дам растерзать себя на куски, — пишет он, — чем отрекись от моих братьев из отверженных классов. Я не хочу возродиться, но если мне суждено возродиться, я желал бы возродиться среди нечистых, чтобы разделять их унижение и работать над их освобождением»...*⁴⁴

Он усыновил маленькую девочку из париев и с нежностью говорит об этом очаровательном семилетнем чертенке, который был баловнем всего дома.

Я сказал достаточно для того, чтобы показать под оболочкой индусского *Credo* великое евангельское сердце. Это — Толстой, но более нежный, более умиротворенный и, я осмеливаюсь сказать, проникнутый более естественным «христианством» в общепринятом смысле: ибо Толстой — христианин больше по убеждению, чем по натуре.

В чем, однако, наиболее резко сказывается сходство этих двух людей или в чем действенное всего выразилось влияние Толстого — это в осуждении, которое Ганди выносит всей европейской цивилизации.

Со времен Руссо наиболее свободные умы Европы не переставали подвергать ее суду, и пробужденной Азии оставалось лишь черпать из этих источников, чтобы составить тяжелый обвинительный акт против своих поработителей. Ганди не преминул использовать это, и *Hind Swarāj*

⁴⁴) 27 апреля 1921 г.

перечисляет ряд таких обвинительных книг, значительная часть которых написана англичанами. Но наиболее неоспоримой книгой является та, которую сама Европа написала кровью поработанных, ограбленных и униженных народов, во имя лживых принципов; и в особенности — вопиющее проявление этой лжи, этой жадности, этого зверства, бесстыдно раскрытого перед взорами всего мира последней войной, названной войной за цивилизацию. Неразумие Европы было столь велико, что она привлекла к этой войне народы Азии и Африки, показывая им свою наготу. Они увидели ее и осудили.

*«Последняя война обнаружила сатанинскую⁴⁵ природу цивилизации, господствующей в современной Европе. Все законы общественной морали были растоптаны победителями во имя добродетели. Не было такой низкой лжи, которой не постарались бы использовать. И позади всех преступлений стояли побуждения грубо-материального порядка... Европа — не христианка. Она поклоняется Маммоне».*⁴⁶

За последние пять лет вы постоянно встретите выражение подобных мыслей и в Индии и в Японии. Даже у тех, кто слишком осторожен, чтобы высказывать его вслух, это убеждение остается начертанным глубоко в мозгу. Это — один из самых губительных результатов Пирровой победы 1918 года. Но Ганди не нужно было ждать 1914 года, чтобы увидеть истинное лицо цивилизации: оно предстало перед ним без маски еще в те двадцать лет, которые он провел в Южной Африке. И в своем *Hind Swarāj* за 1908 год он обличал, как «великий порок», «Современную Цивилизацию».

Цивилизация, — говорит Ганди, — есть лишь пустой звук. Она, согласно одному из выражений Индуизма, «*черный век, век мрака*». Она делает материальное благо единственной целью жизни. Она не заботится о духовных благах. Она сводит европейцев с ума, поработщает их ради денег, лишает их мира и вообще внутренней жизни; она — ад для слабых и для рабочих классов; она подрывает жизненность народов. Эта сатанинская цивилизация уничтожит сама себя. Истинный враг Индии — именно она, в гораздо большей степени, чем англичане, которые сами по себе не злы, а больны своей цивилизацией. Поэтому Ганди борется с теми из своих соотечественников, которые хотят изгнать англичан, чтобы сделать Индию «цивилизованным» государством на европейский лад. Это была бы, — говорит он — «*природа тигра без тигра*». «Нет, великое, единственное усилие, которое теперь необходимо, — это — изгнать западную цивилизацию».

Есть три класса людей, против которых Ганди ополчается особенно резко. Это судьи, врачи и учителя.

Вражда против последних легко объяснима, ибо они заставили индусов забыть свой язык и свою мысль; они ведут ребенка к потере чувства

⁴⁵) Это выражение часто встречается у Ганди: «неприкасаемость (вера в существование париев) есть измышление Сатаны» (19 июня 1921 г.).

⁴⁶) 8 октября 1920 г.

национальности. Кроме того они обращаются лишь к разуму; они забывают о сердце, не считаются с характером. Наконец, они ни во что не ставят физический труд, и, действительно, чисто классическое воспитание народа, восемьдесят процентов которого земледельцы, а десять процентов — ремесленники, есть прямое преступление. — Профессия судьи безнравственная. Суды в Индии являются орудием британского владычества, они обостряют несогласия между индусами; вообще они везде и всюду поддерживают и умножают раздоры, споры и ссоры. Это — эксплуатация, и весьма доходная, дурных инстинктов. — Что касается врачей, то Ганди соглашается, что вначале их профессия его привлекала; но вскоре он убедился, что она не может считаться почтенной. Западная медицина занимается единственно тем, чтобы лечить тело больных, а не уничтожать причины болезней, которыми по большей части являются пороки; можно даже сказать, что она поощряет последние, давая порочным людям возможность наслаждаться пороками с наименьшим риском. Она содействует поэтому деморализации народа; она изнеживает его посредством своих рецептов «черной магии»⁴⁷, которые отвращают его от героической дисциплины тела и духа. Лживой медицине Запада, которую Ганди бичует часто со страстностью, превосходящей меру, он противопоставляет настоящую предупредительную медицину, которой он посвятил один из своих небольших популярных трудов *A Guide to Health* (Проводник к Здоровью), плод двадцатилетнего отнята. Это — наставление по морали в той же мере, как и по терапевтике: ибо «болезнь есть результат не только наших действий, но и мыслей»; и сравнительно просто дать правила для предупреждения заболевания, ибо «все болезни имеют одну причину — несоблюдение естественных законов здоровья. Тело — жилище бога. Нужно блюсти его в чистоте». Нужно сказать, что в предписаниях Ганди (если не считать чрезмерного упорства в отрицании испытанных лекарств) много здравого смысла при крайнем моральном ригоризме⁴⁸.

Но сердцем современной цивилизации (железный век — железное сердце) является машина. Она — чудовищный идол. Ее нужно отвергнуть. Пламенное желание Ганди — чтобы современное господство машины было изгнано из Индии. Индии свободной, но унаследовавшей английское увлечение машиной, он предпочел бы даже подчинение Индии английскому народу.

«Лучше покупать манчестерскую ткань, чем построить в Индии манчестерские фабрики. Индийский Рокфеллер будет не лучше всякого другого. Увлечение машиной — великий грех, он порабощает народы.. А деньги — это яд, подобный плотскому греху...»

⁴⁷) Не следует забывать, что одним из главных упреков Ганди по адресу европейской медицины служит применение ею вивисекции, «самого черного преступления человека».

⁴⁸) В особенности во всем, что касается половых отношений: его строгое учение напоминает апостола Павла.

Но, — спросят индусы, усвоившие современные идеи, — что станет с Индией без железных дорог, трамваев, развитой промышленности? — А разве она не существовала раньше? — возразит Ганди. «В течение тысячелетий Индия пребывает незыблемая, одинокая, среди изменчивой пучины различных царств. Все остальное прошло. Она же сумела завоевать за тысячелетия власть над собой и науку о счастье. Ей не приходится ничему учиться здесь у других. Она отказалась от увлечения машиной и больших городов. Древний плуг, прялка, древнее туземное воспитание обеспечили ей мудрость и благо. Нужно вернуться к прежней простоте, конечно, не сразу, но понемногу, терпеливо, причем каждый должен подавать другому пример»...⁴⁹

Это — основная сущность его мысли; и это весьма важно. Она предполагает отрицание Прогресса и почти что даже европейской науки⁵⁰. Такая средневековая вера рискует столкнуться с вулканическим устремлением человеческого духа и быть разбитой в щепы. Но, прежде всего, было бы правильнее сказать — не «человеческого духа», а «определенного человеческого духа»: ибо если можно верить (а я верю) в созвучное единство всеобщего духа, оно все же состоит из множества различных голосов, ведущих каждый свою мелодию; наш молодой Запад, увлеченный своим ритмом, склонен забывать, что не всегда он дирижировал симфонией; что его закон прогресса не свободен от затмений, от попятных движений и возвратов; что история человеческой цивилизации есть, строго говоря, история ряда цивилизаций, и что если в каждой цивилизации можно установить прогресс (переменный, хаотический, прерывистый, иногда стоящий на месте), то отнюдь нет уверенности в наличии прогресса при переходе от одной цивилизации к другой.

Но если даже мы не будем оспаривать европейского догмата — прогресса и будем просто придерживаться факта, что все современное движение противоречит внутреннему глубокому желанию Ганди, не следует думать, что вера Ганди должна о него разбиться. Это значило бы плохо знать восточный ум. Гобино говорит, что «азиаты во всем упрямее нас. Если нужно, они ждут целые века, и их мысль, от столь долгого сна, никогда не стареет и не теряет силы». Века не испугают индуса. Ганди готов ждать успеха год. Но он согласен ждать и несколько веков. Он не насилует времени. И, если время медлит, он медлит с ним вместе. Поэтому, если в своей деятельности он находит, что Индия недостаточно подготовлена к восприятию и осуществлению радикальных реформ, которые он хочет ей

⁴⁹) *Hind Swarâj*, passim.

⁵⁰) Ганди стремится сохранить если не европейскую науку, то необходимость научных исследований и строгую их дисциплину. Он преклоняется перед рвением и самопожертвованием европейских людей науки, часто ставя его выше самопожертвования индийских людей веры. Он почитает ум; он лишь сомневается в пути, им избранном. Но все же, несмотря на эти оговорки, антагонизм тут очевиден. Именно потому Тагор, как увидим далее, справедливо восстает против средневекового образа мыслей Ганди.

предписать, он сумеет приспособить свою деятельность к реальным возможностям. И не приходится удивляться, что этот непримиримый враг машинизма говорит в 1921 г.:

*«Я не плакал бы, если бы машины исчезли; но я не питаю (в данное время) никаких враждебных помыслов относительно машин...»*⁵¹

Или:

*«Закон всеобъемлющей любви (без исключений и ограничения) — это закон моего существа. Но я не проповедую этого конечного закона теми политическими мерами, которые я предписываю... Это значило бы заранее обречь себя на неудачу. Ждать, чтобы масса в настоящее время повиновалась этому закону, было бы неблагоразумно.»*⁵² *Я не мечтатель, я считаю себя практическим идеалистом».*⁵³

Это определение — точно: он не требует никогда от людей больше, чем они могут дать. Но он требует от них всего, что они могут дать. А это все — много, когда идет речь о народе, подобном индийскому. Народ, грозный своей численностью⁵⁴, своей древностью, своей бездонной душой. С первого соприкосновения между этим народом и Ганди установилось согласие, они понимают друг друга без слов; Ганди знает, чего он может от него ожидать, а народ ждет, чего Ганди от него потребует.

И прежде всего между ними — формальный договор, *Swarāj*⁵⁵, гомруль Индии.

«Я знаю, — говорит Ганди, — что Сварадж, а не Непротивление, цель моей нации».

Он доходит даже до того, что не останавливается перед тем, чтобы произнести неожиданные в его устах слова:

«Я предпочел бы видеть Индию освобожденной путем насилия, чем скованной рабой под властью угнетателей».

Однако, поправляется он тотчас же, это значит предположить невозможное: ибо насилие не может освободить Индию; *Сварадж* не может быть достигнут без приложения духовных сил, которые являются истинным оружием Индии, оружием любви, силой истины, *Сатьяграха*⁵⁶. И гениальным приемом Ганди, когда он проповедовал своему народу, было то, что он ему открывал его истинную природу и его скрытую мощь.

⁵¹) 19 января 1921 г.

⁵²) 9 марта 1921 г.

⁵³) 11 августа 1920 г.

⁵⁴) Пятая часть населения всего земного шара..

⁵⁵) Этимология: *swa* — *self* — сам; *raj* — управление: автономия. Слово это столь же древне, как и Веды; но оно было вновь открыто и введено в политический обиход Дадабхаем, парсийским учителем Ганди.

⁵⁶) Этимологически: *Satya* — справедливый, правый; *Agraha* — опыт, попытка: справедливая попытка. Это название применялось специально к неприятию несправедливости. Ганди определяет его (5 ноября 1919 г.) так: *«Держаться истины; сила истины; сила любви или сила духа»* и, наконец, *«торжество истины силой духа и любви»*.

Название *Сатьяграха* была изобретено Ганди еще в Южной Африке, чтобы отметить различие между своей деятельностью и пассивным сопротивлением. Нужно самым решительным образом подчеркнуть это различие: ибо европейцы определяют движение, связанное с именем Ганди, именно как «пассивное сопротивление» (или как «непротивление»). Нет ничего более неверного. Не существует человека в мире, который питал бы большее отвращение к *пассивности*, чем этот неутомимый борец, самый героический тип «Сопротивляющегося». Душа его движения — *активное Сопротивление* силой, которая горит любовью, верой и жертвой. И вся эта тройная сила выражена в слове *Сатьяграха*.

Пусть же трус не думает укрыть свое малодушие в тени Ганди! Ганди изгоняет его из своей общины. Лучше даже насильник, чем трус!

«Там, где есть выбор только между трусостью и насилием, я рекомендую насилие...»⁵⁷ Я развиваю спокойное мужество смерти без убийства. Но у кого нет этого мужества, тот пусть лучше развивает в себе искусство убивать и быть убитым, чем постыдно бежать от опасности. Ибо тот, кто бежит, совершает духовное насилие: он бежит, потому что у него нет мужества быть убитым, убивая...»⁵⁸ Я тысячу раз предпочитаю насилие тому, чтобы целый народ впал в изнеженность»⁵⁹. Мне бесконечно приятнее видеть, что Индия прибегла к оружию для защиты, своей чести, чем чтобы она трусливо оставалась свидетельницей своего собственного бесчестия...»⁶⁰

«Но, — прибавляет он, — я знаю, что не-насилие бесконечно выше насилия, что прощение мужественнее кары. Прощение — украшение война. Но воздержаться от наказания — это прощение только тогда, когда имеешь власть наказывать. Оно не имеет никакого смысла, если прощающий бессилён. Я не могу себе представить Индию бессильной. Сто тысяч англичан не могут испугать триста миллионов человеческих существ... К тому же сила — не в физических действиях, — она коренится в непоколебимой воле... Не-насилие — это не добровольное подчинение нападающему. Не-насилие противопоставляет все силы души воле тирана. Один человек может таким образом бороться против целой империи и вызвать ее падение...»

Но какой ценой? Ценой своего страдания. Страдание — великий закон...

«Почетное отличие человеческого рода...»⁶¹ Необходимое условие существования. Жизнь выходит из смерти. Чтобы вырос колос, нужно,

⁵⁷) 11 августа 1920 г.

⁵⁸) 20 октября 1921 г.

⁵⁹) 4 августа 1920 г.

⁶⁰) 11 августа 1920 г. Одна из заповедей Школы Ашрама Сатьяграха, основанной Ганди, — это отсутствие страха, освобождение души от боязни перед королями, народами, кастами, семьями, людьми, перед дикими зверями, перед смертью.

Это также — четвертое условие Сопротивления без насилия в *Hind Swaraj* (три остальные: Целомудрие, Бедность, Правдивость).

⁶¹) 9 марта 1920 г.

чтобы погибло семя. Никто никогда не мог возвыситься, не пройдя через огонь страдания. Никто не может уйти от этого... Чем чище страдание (личное), тем больше прогресс...⁶² Не-насилие — это сознательное страдание... Я позволил себе напомнить Индии Древний закон самопожертвования, закон Страдания. Риши, открывшие закон не-насилия среди самых худших насилий, были большими гениями, чем Ньютон, большими войнами, чем Веллингтон: они постигли бесполезность известного им оружия... Религия Не-насилия — не только для святых, она — для самого среднего человека. Это — закон нашего рода, как насилие — закон животного. В животном Душа спит. Достоинство человека требует высшего закона: силы духа... Я хочу, чтобы Индия осуществляла этот закон, хочу, чтобы она признавала свое могущество. Она обладает душой, которая не может погибнуть. Эта душа может противостоять всем материальным силам всего мира»⁶³.

Высокое притязание! Его гордая любовь к Индии хочет, чтобы она отвергла недостойное насилие и принесла себя в жертву. Не-насилие — в его глазах — право на благородство. Если она от него откажется, — она развенчана. А Ганди не мог бы вынести даже мысли об этом:

«Если бы Индия стала исповедывать насилие, я не хотел бы более жить в Индии; она перестала бы внушать мне гордость. Мой патриотизм подчинен религии, я цепляюсь за Индию, как ребенок за материнскую грудь, ибо чувствую, что она дает мне необходимое мне питание. Если это питание исчезнет, я стану сиротой... Я удалюсь в безлюдные Гималаи, чтобы там найти приют своей душе, истекающей кровью...»⁶⁴

Но он и не сомневается; он верит в Индию, когда в феврале 1919 г. решается начать борьбу под лозунгом *Сатьяграха* — оружием, могущество которого он испытал во время аграрных движений 1918 г.

Здесь нет ни признака политического восстания. Ганди еще остается лояльным. Он будет оставаться лояльным до тех пор, пока у него сохранится хоть проблеск надежды на лояльность Англии. До января 1920 г. он будет защищать, — и индийские националисты станут горько упрекать его за принцип сотрудничества с Империей⁶⁵. Он вносит в эту защиту убежденность, проистекающую из его честности. В этот первый год

⁶²) 16 июня 1920 г.

⁶³) 11 августа 1920 г.

⁶⁴) 6 апреля 1921 г.

⁶⁵) Еще за несколько месяцев до своего заключения в тюрьму Ганди отвечает на обращенные к нему резкие упреки в «нелогичности» его политики. Ему с насмешкой напоминают о помощи, которую он оказывал Англии в Южной Африке и во время мировой войны. Еще и в этот момент он не отрекается ни от чего в своем прошлом поведении. Он, по его словам, честно считал себя гражданином Империи; не его дело было судить правительство; он находит вредным, чтобы каждый становился судьей своего правительства. Пока он мог, он верил в разум и честность Англии. Ошибки правительства отняли у него эту веру. Пусть же правительство и несет за это ответственность! (17 ноября 1921 г.).

оппозиции правительству Индии он может с полной искренностью сказать лорду Хентеру, что он видит в сторонниках *Сатьяграха* лучших подданных английского правительства, верных конституции. Понадобится все ограниченное упрямство индийского правительства, чтобы заставить духовного вождя Индии порвать тот договор лояльности, которым он считал себя связанным.

Таким образом *Сатьяграха* представляет собою вначале как бы конституционную оппозицию, почтительное представление правительству. Правительство издало несправедливый закон. Сторонники *Сатьяграха*, которые в обычное время преклоняются перед законами, умышленно не подчиняются оскорбительному закону; а если этого недостаточно для восстановления справедливости, они оставляют за собой право распространить неповиновение и на другие законы, доходя в конце концов до полного отказа сотрудничать с правительством. Но до какой степени характер этого неповиновения отличен от всего, что разумеется под этим словом на Западе! Какой необыкновенный порыв религиозного героизма!

Так как сторонникам *Сатьяграха* запрещено действовать на противника насилием, — ибо нужно допустить, что противник, со своей стороны, также искренен: что кажется истиной одному, может казаться заблуждением другому, а насилие никогда не убеждает⁶⁶, — нужно, чтобы они убеждали противника сиянием любви, исходящим из их убежденности, своим отречением, своими свободно, радостно принимаемыми страданиями⁶⁷. Пропаганда, против которой невозможно устоять. Именно этим путем крест Христа и его малого стада завоевал владычество над миром.

Чтобы ярче осветить этот религиозный порыв народа, приносящего себя в жертву ради вечных благ: справедливости и свободы, Махатма положил начало движению⁶⁸, назначив на 6 апреля 1919 г. день молитв и поста, Хартал⁶⁹ всей Индии в знак протеста против Акта Роуллетта. Это было его первым выступлением.

Это выступление затронуло самые глубокие струны души его народа. Действие его было неопишимо. В первый раз все классы объединились в одном движении. Индия обрела сама себя.

⁶⁶) Даже хуже: оно унижает того, кто его применяет. Насилия союзников над Германией, — говорит Ганди, — имели следствием то, что союзники стали подобны Германии, действия которой они бичевали в начале войны (9 июня 1920 г.).

⁶⁷) «Как бы ни жестока была та или иная натура, она растет в пламени любви. Если она не тает, значит, огонь недостаточно силен» (9 марта 1920 г.). Сторонники *Сатьяграха* подписывают сообща обязательство не повиноваться несправедливым законам, которые будут им указаны Комитетом *Сатьяграха*, твердо идти по пути истины и воздерживаться от всяких насилий над жизнью, личностью и собственностью.

⁶⁸) 23 марта 1919 г.

⁶⁹) Это слово на наречии хинди означает: «прекращение работы в знак протеста или траура».

Почти всюду было соблюдено полное спокойствие. Лишь в Дели произошли небольшие стычки⁷⁰. Ганди направился туда, чтобы указать народу его обязанности. Но правительство отдало приказ арестовать его в пути и отправить в Бомбей. Слух об аресте вызвал в Пенджабе народные волнения. В Амритсаре произошли грабежи и несколько убийств. Генерал Дайер прибыл с войсками ночью 11 июля и занял город. Все вошло в нормальное русло. 13-е было днем великого индусского праздника. Толпы народа пришли на собрание в местность, называемую Джалианвалла Баг. Собрание прошло мирно, среди его участников было много женщин и детей. Генерал Дайер накануне ночью запретил всякие митинги, но об этом еще никто ничего не знал. Генерал явился со своими пулеметами в Джалианвалла Баг. Никакого предупреждения не было сделано. Через тридцать секунд после прибытия войск по беззащитной толпе был открыт огонь; обстрел продолжился десять минут, пока не вышли все патроны. Участок был окружен высокой стеной; бегство оказалось невозможным. До пятисот или шестисот индусов было убито, еще больше ранено. Никто не позаботился о раненых и убитых. В стране было объявлено военное положение. Режим террора обрушился на Пенджаб. С аэропланов сбрасывали бомбы на безоружные толпы. Наиболее уважаемых граждан подвергали военному суду, били кнутом, заставляли ползти на животе, подвергали унижительнейшим оскорблениям... Можно было бы подумать, что какое-то безумие охватило английских угнетателей. Казалось, что закон Непротивления, провозглашенный Индией, едва возникнув, довел до бешенства насильников Европы! Ганди все это знал. Он и не обещал привести свой народ к победе по легкому пути. Он обещал ему кровавый путь. И день Джалианвалла Бага был лишь днем крещения...

Мы должны быть готовы, — говорит он, — со спокойным духом увидеть не одну тысячу убийств невинных мужчин и женщин, но и много тысяч, раньше чем Индия не достигнет в мире уровня, которого никому не дано будет превзойти... Пусть каждый смотрит на повешение как на самое обыкновенное явление в жизни...»⁷¹

Военной цензуре в течение нескольких недель удавалось помешать проникновению за границу сведений о Пенджабских ужасах. Но, когда слухи о них распространились по Индии, порыв негодования прошел по всей стране; даже Англия заволновалась. Была назначена следственная комиссия под председательством лорда Хентера. Параллельно с этим Индийский Национальный Конгресс образовал подкомиссию для организации контрследствия. Было очевидно, что интересы правительства (все разумные англичане это понимали) требуют возбуждения строгого преследования против виновников Амритсарской бойни. Ганди не настаивал даже на этом. В своей изумительной умеренности он отказался требовать наказания генерала Дайера и других виновных офицеров, хотя и клеймил их

⁷⁰) Дели к тому же ошиблось в сроке; оно начало свой *Хартал* еще с 30 марта.

⁷¹) 7 апреля 1920 г.

негодованием⁷². Он не хотел мести. Он не питал зла... «Нельзя питать злобу против сумасшедшего. Но необходимо отнять у него возможность делать зло...» Он требовал, таким образом, лишь удаления Дайера. Но *Quos vult perdere...* Еще до окончания следствия правительство Индии поспешило издать закон о вознаграждении за убытки (Indemnity Act), защищая интересы должностных лиц; и преступные офицеры не только остались на службе, но даже получили награды.

Индия не успела еще оправиться от этого потрясения, когда второе дело, еще более серьезное, чем первое, — вопиющее нарушение торжественных обязательств, данных главой английского правительства, окончательно разрушило те остатки доверия к искренности европейцев, которые она еще могла сохранить, и дало сигнал к великому восстанию.

Европейская война поставила перед совестью мусульман Индии трудный вопрос. Их терзало противоречие между желанием остаться лояльными по отношению к Империи и верностью главе своей религии. Они решились выступить за Англию, лишь получив обещание, что она не будет посягать на верховную власть Султана или Халифа. Мусульманское общественное мнение требовало, чтобы за турками осталась Европейская Турция и чтобы Султан сохранил, наряду с верховной властью над Святыми местами Ислама, право сюзерена над Аравией в границах, установленных мусульманскими учеными, со включением прилежащих областей Месопотамии, Сирии и Палестины. Ллойд-Джордж и вице-король Индии дали в этом смысле формальные обязательства. Когда война окончилась, от этих обязательств ничего не осталось. Летом 1919 г. индийские мусульмане, обеспокоенные удручающими условиями наспех сколоченного мира, начали роптать; это было начало агитации за Хиляфат (Халифат).

Она открылась 17 октября 1919 г. (*Khilafat Day*) внушительной мирной демонстрацией, за которой через месяц (24 ноября) последовал всеиндийский съезд Хиляфата в Дели. Ганди был его председателем. Его зоркое око сразу увидело, что мусульманский вопрос — наиболее подходящее орудие для осуществления единства Индии. Это была важная задача. Англичане всегда широко пользовались естественной враждебностью между индусами и мусульманами; Ганди даже обвиняет их в том, что они ее в значительной мере создали. Во всяком случае, они ничего не сделали, чтоб ее смягчить. Обе религии нелепо провоцировали друг друга. Индусы неизменно принимались петь, проходя мимо мечетей, где должно царить молчание. Мусульмане же старались оскорбить индусов в их культе коровы. Отсюда возникали постоянные ссоры и стычки, поддерживавшие вражду. Оба народа не вступали друг с другом в сношения; смешанные браки и общие трапезы были запрещены. Правительство Индии спокойно спало, уверенное в этом вечном разделении. Голос Ганди,

⁷²) Со своей стороны, Ганди прекратил свое движение 18 апреля 1919 г., желая успокоить возбуждение, вместо того, чтобы использовать его, как сделал бы всякий другой революционер.

призывавший к единству, заставил его сразу проснуться. С искренним и поэтому особенно красноречивым великодушием Ганди объявил, что индусы должны объединиться с магометанами ради общего дела магометан.

«Кто бы мы ни были, индусы, парсы, христиане или евреи, — говорит он, — если мы желаем жить как одна нация, интересы каждого должны быть интересами всех. Единственное соображение, которым можно руководиться, — это справедливость дела».

Кровь магометан и индусов уже смешалась на поле Амритсарской бойни. Нужно было закрепить союз. Союз без условий. Мусульмане являлись наиболее смелой частью индийского населения. Они первые решили на съезде Хиляфата отказаться от сотрудничества с правительством, если не получат удовлетворения. Ганди их одобрил. Однако, верный своему духу умеренности, он отказался от бойкота английских товаров, видя в этом одновременно и месть и признак слабости. На втором съезде Хиляфата, в конце декабря 1919 г., было решено послать депутацию в Европу и представить вице-королю грозный ультиматум в случае, если условия мира будут противоречить воле Индии. Третья конференция в Бомбее, в феврале 1920 г., выпустила манифест к мусульманам, который клеймил английскую политику и предвещал грозу.

Ганди видел ее приближение. Он был далек от того, чтобы призывать ее, и, напротив, делал все, чтобы помешать ей разразиться.

В Англии, повидимому, наконец поняли опасность и старались предотвратить ее запоздалыми уступками. *Акт о Реформе Индии*, основанный на докладах Монтэгю-Чельмсфорда, предоставлял индийскому народу большую власть и самостоятельность как в центральном правительстве, так и в администрации отдельных провинций. Король манифестом от 24 декабря 1919 г. утвердил этот Акт, призвал индийский народ и должностных лиц содействовать его проведению в жизнь и предложил вице-королю амнистировать политических заключенных. Ганди, всегда чувствительный к великодушию, был тронут и, видя в этих шагах молчаливое обязательство со стороны Англии оказать Индии справедливость, посоветовал принять эти реформы; он считал их недостаточными, но полагал, что они могут служить отправной точкой для более обширных завоеваний на законной почве и что к ним следует искренно присоединиться. После горячих споров его мнение одержало верх на Всеиндийском Национальном Конгрессе.

Но эта последняя надежда была обманута, как и все остальные. Вице-король не посчитался с призывом к его милосердию; хотя двери тюрем и открылись для значительного числа осужденных по политическим делам, амнистия все же не была общей, и было совершено несколько казней, которые взволновали Индию. Стало очевидно, что обещанные реформы были лишь обманом.

В этот момент (14 мая 1920 г.) в Индии стали известны условия мира, убийственные для Турции. Сообщение вице-короля, признавая, что они

должны быть тяжелы сердцам мусульман, приглашало последних подчиниться.

Наконец, в эти же дни появился обнародованный с опозданием официальный отчет следственной Комиссии об Амритсарской бойне; он окончательно возмутил совесть страны.

Все было кончено. Узы были порваны.

Комитет Хиляфата, собравшийся в Бомбее 28 мая 1920 г., принял резолюцию об отказе от сотрудничества, предложенную Ганди, и индо-мусульманская конференция в Аллахабаде единогласно поддержала его 30 июня 1920 г.: она назначила вице-королю месячный срок для выполнения ультиматума.

Ганди сам пишет вице-королю. Он объявляет ему о движении за отказ от сотрудничества. Он объясняет, почему к нему прибегнули, — причины, которые он приводит, любопытны, ибо, даже и в этот решающий момент, он подтверждает свое желание не порывать с Англией и надежду привести ее к раскаянию путем легального сопротивления:

«Мне ничего не остается, — говорит он, — кроме одного из двух путей: или порвать с Англией, или, если я еще верю в превосходство британской конституции над другими конституциями, принудить правительство оказать нам справедливость. Пока что я еще верю в превосходство британской конституции. И вот почему я призываю к неповиновению».

Мы видим, какого великого гражданина Империи не сумела сохранить ее слепая гордость.

II

28 июля 1920 г. Ганди возвещает Индии, что Отказ от сотрудничества будет провозглашен 1 августа, и предписывает провести накануне, 31 июля, торжественный Хартал для подготовки к этому посредством молитвы и поста. Он не опасается ярости правительства. Он больше боится народного гнева и принимает меры к тому, чтобы в рядах индусов царили порядок и дисциплина.

«Полный Отказ от сотрудничества требует полной организованности. Беспорядок проистекает от злобы. Необходимо полное отсутствие насилия. Всякое насилие только задержит успех дела и явится ненужным расточением невинных жизней. Прежде всего должен быть соблюден порядок!»

Тактика отказа от сотрудничества была выработана в предшествующие два месяца Ганди и его Комитетом Отказа. Было вынесено постановление:

1. Об отказе от всех почетных титулов и должностей.
2. О неучастии в правительственных займах.

3. Об объявлении забастовки судов и работников юстиции; тяжбы должны разбираться третейскими судами и в частном порядке.

4. О бойкоте учащимися и их семьями государственных школ.

5. О бойкоте советов конституционных реформ.

6. О неучастии в приемах, организуемых правительством, и об отказе от всяких официальных функций.

7. Об отказе от всех гражданских и военных постов.

8. О пропаганде *Swadeshi*⁷³. Таким образом за отрицательной частью программы следует часть восстановительная, новый порядок, на котором должна была быть основана новая Индия. Мы вернемся к этому ниже.

Сторонники Отказа от сотрудничества понимают это, главным образом, в узком смысле *экономической зависимости*. Но мы увидим далее, какое «Социальное евангелие» выводят отсюда ученики Ганди (*The Gospel of Swadeshi*).

Это был лишь первый этап; и нужно отметить осторожную мудрость, — весьма удивительную для европейских революционеров, — человека, который пускает в ход весь огромный механизм восстания в Индии и вначале, на первой ступени, лишь держит его наготове. Дело здесь идет не о *гражданском неповиновении*. Оно хорошо известно Ганди. Он изучает его по трудам Торо, которого он цитирует в своих статьях, и тщательно различает это неповиновение и Отказ от сотрудничества. Гражданское неповиновение — это больше, чем отказ от повиновения, это — нарушение законов. «Оно является протестом, который может быть осуществлен с успехом лишь немногими избранными, тогда как Отказ от сотрудничества может и должен быть массовым движением». Ганди хочет подготовить индийский народ к неповиновению, но лишь постепенно; он знает, что народ недостаточно готов, и не хочет отпустить узду, не убедившись, что он овладел собой. В этой первой программе Отказа от сотрудничества нет даже речи о неплатеже налогов. Ганди ждет, когда наступит час.

1 августа 1920 г. он дает сигнал к началу движения своим знаменитым письмом к вице-королю. Он отправляет ему все свои ордена и знаки отличия.

«Не без сожаления, — говорит он, — я возвращаю золотую медаль Кайсар-и-Хинд за мою работу на пользу человечества в Южной Африке, медаль за Зулусскую войну, за мои заслуги в качестве начальника добровольного индусского санитарного корпуса в 1906 г., медаль за Бурскую войну, за службу в качестве помощника начальника индийского санитарного корпуса в 1899—1900 гг...» «Но, — продолжает он, напоминая о событиях в Пенджабе и событиях, вызвавших движение Хиляфата, — я не могу сохранять ни уважения ни привязанности к правительству, запятнавшему себя этой безнравственностью и этими несправедливостями... Нужно привести его к раскаянию... Я провозгласил Отказ от сотрудничества, который позволяет отмежеваться от правительства и оказывать на него

⁷³) Этимологически: *Swa* — *self* — сам, *deshi* — произведенный в стране; отсюда: предметы, произведенные в своей стране.

давление без насилия». И Ганди выражает надежду, что вице-король исправит беззаконие, призвав на совет признанных народных вождей.

Пример Ганди немедленно нашел отклики. Многочисленные должностные лица подали в отставку. Тысячи учащихся были взяты из колледжей⁷⁴. Суды утратили свой престиж, школы опустели. Всеиндийский Конгресс, собравшись на экстренное заседание в Калькутте, уже в начале сентября значительным большинством санкционировал решения Ганди. Ганди и его друг Маулана Шаукат Али объезжали страну, встречаемые приветственными кликами.

Никогда Ганди не проявил себя вождем миллионов людей более определенно, чем в этот первый год своей деятельности. Ему приходилось сдерживать необузданные силы, которые рвались наружу. Особенное отвращение питал он к анархической необузданной черни. Он не находит достаточно жестких выражений, чтобы заклеить «Мобократию»⁷⁵, в которой видит величайшую опасность для Индии. Он ненавидит войну, но ее все же предпочитает сорвавшемуся с цепи Калибану.

«Если Индия прибегнет к насилию, пусть это будет насилие дисциплинированное — война! Ни в каком случае не черны!»⁷⁶ Он опасается даже радостных и шумных, но беспорядочных демонстраций, на которых всегда могут неожиданно возникнуть взрывы и безответственные действия. «Нужно, чтоб из этого хаоса возник порядок. Нужно вместо черни установить закон народа». И этот мистик с верным взглядом, обладающий не меньшим здравым смыслом, чем наши великие европейские мистики, организатор Орден и повелитель душ, дает подробнейшие правила для введения в русло потока народных манифестаций.

«Наша серьезная ошибка, — говорит он, — в том, что мы забыли музыку. Музыка означает ритм и порядок. К несчастью, она осталась в Индии достоянием немногих. Она никогда не была сделана народной... Нужно было бы, чтобы группы людей пели национальные гимны. Пусть большие музыканты присутствуют на всех конгрессах и учат массы музыке. Нет ничего легче, как воспитывать толпу, которая не имеет своей воли...»

За этим идет ряд предписаний:

1. Не принимать в большие демонстрации добровольцев-новичков. Ставить во главе наиболее испытанных.
2. Вручить каждому из добровольцев памятку основных инструкций.
3. Волонтерам — условиться о призывных свистках.
4. Предписать толпе безоговорочное повиновение волонтерам.
5. Установить национальные возгласы и моменты, когда следует их выкрикивать; не допускать никаких нарушений правил.

⁷⁴) В Лагоре — восемь тысяч.

⁷⁵) То, что Карл Маркс называет «Voyoucratie» (охлократией).

⁷⁶) В сентябре 1920 г.

6. Заставить толпу строиться на дорогах шпалерами, чтобы не мешать проезду экипажей; воспретить ей доступ на вокзалы; не допускать маленьких детей в народные сборища и т. п.

Словом, Ганди делается дирижером этих человеческих океанов.

«Самая трудная задача для народа — дисциплинировать свои манифестации»⁷⁷.

Толпа стремится к насилию лишь в отдельные моменты; вернее, она не знает, к чему она стремится, она отдается внезапным толчкам, противоречивым порывам. Но известная часть передовых людей Индии сознательно хочет насилия; они не понимают ни мыслей Ганди ни, в особенности, их политической действенности. Ганди получает анонимные письма, авторы которых просят его не противиться насилию или же (высшее оскорбление) выражают циническую уверенность, что его слова являются лишь уловкой, чтобы обмануть неприятеля, и просят скорее дать сигнал к бою. Ганди отвечает с живостью. Он ведет страстные споры. В прекрасных статьях он борется с «доктриной меча»⁷⁸. Он выражает сомнение в том, чтобы индуские священные книги и Коран предписывали насилие. Насилие не может быть *Credo* никакой религии. Иисус — царь пассивного сопротивления. Бхагавад Гита учит не насилию, а исполнению долга ценой опасности для жизни.⁷⁹ «Человек не имеет власти создавать; он не имеет поэтому права уничтожать...» Нужно любить даже делающего зло, что не означает терпимости к злу. Ганди ухаживал бы за генералом Дайером, если бы тот был болен. Но, если бы его собственный сын вел постыдную жизнь, «моя любовь требовала бы, — пишет он, — чтобы я отказал ему в поддержке, если бы даже это означало для него смерть». Не существует права принуждать злого посредством силы. Но существует долг противодействовать ему, покидая его, чего бы это ни стоило. А когда враг раскрывается, нужно раскрыть ему объятия⁸⁰.

Обуздывая насильников, он в то же время поощряет колеблющихся. Он ободряет тех, кто отступает перед действием.

«Ничто на земле не совершилось без непосредственного действия. Я отверг термин: пассивное сопротивление, так как он недостаточен... Именно непосредственное действие обратило генерала Сметса в Южной Африке... Каков величайший симбиоз, осуществленный Христом и Буддой? Это — симбиоз силы и кротости. Будда внес войну в стан неприятеля, он заставил стать на колени нападавших на него жрецов. Христос изгнал торгующих из храма, он бичевал лицемеров и фарисеев. Это — самое

⁷⁷) 8 и 24 сентября, 20 октября 1920 г.

⁷⁸) 11, 25 августа 1920 г.

⁷⁹) Таково, по крайней мере, толкование Ганди. Посмеет ли сказать европеец, что он видит в *Бхагавад-Гите* лишь невозмутимое равнодушие к совершаемому и испытываемому насилию?

⁸⁰) 25 августа 1920 г.

интенсивное непосредственное воздействие... И в то же время за всеми их поступками — бесконечная кротость...»⁸¹

Он также обращается с призывом к разуму и сердцу англичан⁸². Он называет их своими «дорогими друзьями»; напоминает им, что был в течение тридцати лет их верным товарищем, просит их отдать должное коварству их правительства. «Его предательство разбило мою веру в него. Но я еще верю в английскую храбрость. Индия может противопоставить вам теперь лишь храбрость моральную. Отказ от сотрудничества — это самопожертвование. Я хочу победить вас своими страданиями...»

Целью его четырех-пятимесячной кампании было не только парализовать английское правительство Неприятием, но организовать новую Индию, которая могла бы довести сама себе и создать себе как в области материальной, так и моральной независимое поле действий. Первой задачей было обеспечить ей экономическую независимость. Это то, что Ганди называет *Свадеш* (или, вернее, таково из всех значений этого слова наиболее непосредственное и наиболее практическое).

Очевидно, необходимо было, чтобы Индия научилась обходиться без многих материальных благ, чтобы она приняла без жалобы, безропотно согласилась на множество неудобств. Целительная дисциплина. Необходимая гигиена. От этого выиграло бы здоровье расы наряду с моральным законом. Прежде всего нужно было отнять у Индии «проклятие пьянства», организовать группы трезвости, бойкотировать вино, заставить торговцев отказаться от своих патентов⁸³. Индия поняла призыв Махатмы. Волна трезвости прошла по стране; и Ганди пришлось вмешаться, чтобы толпа силой не закрыла и не разрушила магазины. Ибо «не дозволено делать людей чистыми — силой».

Но если относительно легко было отказаться от бича пьянства, то было гораздо труднее обеспечить Индии средства существования. Как ей прокормиться? Как ей одеться, если она отвергнет европейские товары? Рецепт Ганди крайне прост, — в нем нашли выражение средневековые тенденции его ума: необходимо восстановить во всех семьях Индии древнее ремесло Прялки (*чарка*).

Это патриархальное разрешение социального вопроса было некоторыми поднято на смех⁸⁴. Но нужно постараться понять специфические

⁸¹) 12 мая 1920 г.

⁸²) «Всем англичанам Индии», 27 октября 1920 г.

⁸³) 28 апреля 1920 г., 8 июня, 1 октября 1921 г. В своем *Письме к парсам*, среди которых много крупных коммерсантов, Ганди заклинает их закрыть у себя магазины, торгующие вином (23 марта 1921 г.). В *Письме к воздержным* (8 июня 1921 г.) он просит, если даже они не согласны с ним в остальной части программы, направить свои усилия на этот пункт. Одновременно с напитками он борется с торговлей *drugs* — наркотиками, с курением опиума.

⁸⁴) Ганди сам знает, что над ним будут смеяться. Но, — спрашивает он, — разве игла уступила свое место швейной машине, или рука» — пишущей машинке? Прялка несколько не потеряла своей полезности. Она является действительно национальной

условия Индии и то место, которое Ганди отводит прялке. Он никогда не утверждал, что прялка может дать достаточные средства к существованию, но считал ее дополнительным ремеслом к сельскохозяйственной работе на время ее прекращения. Проблема носит отнюдь не теоретический характер; она стоит очень остро и требует немедленного разрешения: восемьдесят процентов населения Индии — земледельцы и не имеют занятия в течение четырех месяцев в году. Десятая часть населения, как правило, голодает. Средний класс недоедает. Англия не сделала ничего для улучшения этого положения; напротив, она его значительно ухудшила. Английские компании уничтожили местные производства, выкачали ресурсы Индии и высасывают из нее ежегодно около сорока миллионов фунтов стерлингов⁸⁵. Индия, производящая весь хлопок, в котором она нуждается, экспортирует миллионы кип в Японию и Ланкашир, откуда он возвращается к ней в виде мануфактуры. Очевидно, что она должна уметь обходиться без разорительных услуг зарубежных стран и организовать как можно скорее собственные мастерские; ей необходимо как можно скорее изыскать возможность дать каждому работу и средства к существованию. Между тем нет более быстрого и экономного способа, чем кустарное ремесло, ремесло древней Индии, — пряжа и ткань. Дело идет не о том, чтобы засадить за ткань занятых и хорошо зарабатывающих сельскохозяйственных рабочих, но безработных и праздных, с одной стороны, учащихся и детей — с другой, и наконец всех индусов в часы досуга. Ганди предлагает поэтому: 1) бойкотировать иностранные ткани; 2) восстановить и пропагандировать обучение искусству пряжи, к тому же очень нетрудному; 3) дать обещание носить лишь материи, выпряденные и сотканые таким образом. Ганди с неутомимой горячностью отдается этой пропаганде. Он хочет, чтобы прядение стало долгом для всей Индии⁸⁶, чтобы этому учили в школах, чтобы бедные дети оплачивали свое учение часами работы на прялке, чтобы каждый, мужчина или женщина, посвящал ей бесплатно один час в день. Он входит в мельчайшие подробности, дает ряд технических указаний насчет бумаги, ниток, различных приемов тканья, ряд советов ткачам, покупателям, отцам семейств, школьникам; показывает с цифрами в руках, каким образом можно с небольшим капиталом открыть лавку *Свадеши* (продуктов индийского груга) и получать до десяти процентов прибыли и т. п. Он становится лиричным, прославляя «музыку прялки», самую древнюю в Индии, которой услаждал себя Кабир, поэт-ткач, и Ауренг-Зеб, великий император, который сам делал свои тюрбаны. Ему удалось зажечь общественное мнение. В Бомбее дамы из знатных семейств берутся за прялку. Индуски и мусульманки дают клятву одеваться лишь в материи кустарного тканья. Последним словом моды стал *Хаддар* или *Кади*, в

необходимостью, единственным доступным ресурсом для миллионов голодных (21 июля 1920 г.).

⁸⁵) По подсчету Ладжпата Рая.

⁸⁶) 2 февраля 1921 г.

котором усматривал проявление хорошего вкуса сам Рабиндранат Тагор. Заказы притекали отовсюду, даже из Белуджистана и Адена.

Энтузиазм зашел, пожалуй, слишком далеко, когда дело коснулось бойкота иностранных тканей, и даже Ганди, всегда умевший владеть собой, повидимому, потерял здесь чувство меры. Он приказал их сжигать как эмблемы рабства; и в Бомбее в августе 1921 г. можно было видеть, точно во времена Савонаролы, *Christo regnante*, на Площади Сеньории, костры из великолепных фамильных тканей, истребляемых огнем среди шумного веселья толпы. Один из самых широких умов Англии, С. Ф. Эндрьюс, друг Тагора, написал Ганди, перед которым он преклонялся, патетическое письмо, в котором выражал огорчение, что эти ткани сжигают вместо того, чтобы раздать их бедным, и что это — обращение к дурным инстинктам народа.

Он восстает против такого национализма, являющегося одним из видов насилия; он не может перенести, чтобы разрушение возводилось в своего рода религию: разрушать плоды труда — преступление. Эндрьюс, который вначале настолько сочувствовал всем реформам Ганди, что даже сам носил *Хаддар*, теперь не решается оставить его на себе: вид этих костров уязвил в нем веру в Махатму. Но Ганди, тронутый этим излиянием взволнованного сердца, напечатал это письмо с сердечным ответом, в котором он заявляет, что не жалеет ни о чем. У него нет враждебного чувства ни к какому народу, и он не требует уничтожения всех иноземных предметов, а лишь тех, вредность которых ясна. Миллионы индусов были разорены английскими тканями; многие пали до степени париев или наемных солдат, а их жены дошли до проституции. Нельзя, не совершая греха, носить эти преступные ткани. Индия и так слишком ненавидит своих английских эксплуататоров. Ганди отводит ее месть в другое русло, переносит ее с людей на вещи. Виновны не одни англичане, которые продавали эту материю, но и индусы, которые их покупали. Сожжение происходит не от ненависти, а от раскаяния. Это — необходимая хирургическая операция, и было бы неудобно отдавать эти материи бедным, у которых тоже есть своя честь.

Освободить материальную жизнь от иностранного порабощения — это еще не много. Нужно освободить дух. Ганди желал, чтобы его страна свергла иго европейской культуры, — и одно из самых гордых его усилий было направлено на то, чтобы заложить основы истинно индийского воспитания.

В Индии уже существовало несколько университетов и колледжей, где, под опекой англичан, еще тлели уголья древней азиатской культуры. В Алигаре уже сорок пять лет существовал мусульманский университет — центр культуры ислама в Индии. Колледж в Хальсе был центром культуры сикхов. У индусов был университет в Бенаресе. Но все эти схоластические, несколько отсталые учреждения были подчинены правительству, которое их

субсидировало. Ганди желал бы разрушить их и заменить очагами более чистыми. В ноябре 1920 г. он основал Гуджератский национальный университет в Ахмедабаде. Этот университет был проникнут идеалами единой Индии. Двумя его религиозными столпами были Дхарма индусов и Ислам магометан. Он должен был спасти от гибели наречия Индии и сделать их источником национального возрождения. Ганди справедливо считает⁸⁷, — и мы можем извлечь пользу из его слов, — что «систематическое изучение азиатских культур — не менее необходимый элемент для совершенного образования, чем изучение наук Запада. Обширные сокровища санскритского, арабского и персидского языков пали, и магадхи должны быть исследованы, чтобы можно было вновь отыскать в них секрет национальной мощи». Но дело идет не о том, чтобы повторять сказанное или сделанное в прошедшие времена. «Нужно построить новую культуру на культурах прошлого, обогащенных опытом веков. Опт должны быть синтезом различных цивилизаций, которые влияли на Индию и проникались духом ее почвы. Этот синтез не должен быть осуществлен по образцу Америки, где одна преобладающая культура поглощает и подавляет все остальные. Каждая культура будет иметь свое законное место. Целью является гармония, а не внешнее единство, достигнутое силой». Все студенты должны будут знать все индийские религии. Индусы должны ознакомиться с Кораном, мусульмане — с Шастрами. Национальный университет не исключает ничего, кроме духа исключительности. Во всем человечестве он не допускает существования «тех, кого нельзя касаться». Язык индустаны будет обязательным, поскольку он является подлинным национальным наречием как смесь санскрита, хинди и иранизированного урду⁸⁸.

Интеллигенция получит профессиональное образование, а остальные студенты — литературное. Таким образом будут сглажены различия классов. Дух независимости будет поддерживаться не только обучением, но и воспитанием, которое Ганди называет «отвечающим признанию»⁸⁹. В противоположность европейскому воспитанию, которое недооценивает физический труд и развивает лишь мозг, Ганди хочет, чтобы ручной труд был введен в школах с детского возраста. Хорошо, чтобы ребенок оплачивал сам свое образование, работая на прялке; это сразу приучит его зарабатывать на жизнь и быть независимым. Что же касается воспитания сердца, которым Европа совершенно пренебрегает, то здесь нужно начинать

⁸⁷) 17 ноября 1920 г.

⁸⁸) Английский язык не исключен, как и никакой другой европейский язык. Он преподается на старших курсах в конце цикла обучения. Индийские же диалекты изучаются на всех ступенях университетского образования. Ганди мечтает о высшей ступени всеобщего бытия, когда все различия будут существовать в единстве не как разделения, а «как грани одного драгоценного камня (июнь 1920 г.).

⁸⁹) Не следует переводить «профессиональным», ибо дело идет именно о том, чтобы освободить душу от гнета профессии.

все сначала. И, прежде чем воспитывать учеников, нужно воспитывать воспитателей.

Это — цель высших институтов, которые Ганди, по-видимому, мечтает поставить во главу угла нового воспитания: это должны быть не школы, а скорее настоящие монастыри, где сосредоточивается, чтобы затем разлиться повсюду, священный огонь Индии, — подобно великим монастырям бенедиктинцев на Западе, благочестивых пионеров земли и духа.

Мы имеем в своем распоряжении уставы, написанные Ганди для *Ашрама Сатьяграха* в Ахмедабаде, своего любимого детища. Они больше относятся к учителям, чем к ученикам, связывая первых монашескими обетами. Но, тогда как в обычных монастырях эти обеты со временем приобретают лишь характер отрицательной дисциплины, здесь они трепещут духом жертвы и чистой любви, воодушевляющим святых. Руководители должны соблюдать следующие требования:

1. *Обет Истины.* — Недостаточно только не лгать. «Нельзя применять никакой лжи, даже ради блага страны». Истина может требовать противодействия родителям и старшим.

2. *Обет «Ахимса» (не убивать).* — Недостаточно не отнимать жизни ни у какого существа. Нельзя оскорблять даже тех, кого считаешь несправедливым; нужно их любить. Противодействовать тирании, но не делать зла тирану. Побеждать его любовью. Отказывать ему в повиновении, хотя бы под угрозой смерти.

3. *Обет Безбрачия,* без которого почти невозможно соблюдать оба предыдущие. — Недостаточно избегать вожделения. Нужно всегда держать в узде животные страсти, даже в помышлении. Если человек женат, он должен считать жену другом на всю жизнь и сохранять с ней отношения, исполненные совершенной чистоты.

4. *Управление питанием.* — Необходимо регулировать и очищать свой пищевой режим. Постепенно прекращать употребление тех продуктов, которые не являются насущной потребностью.

5. *Обет не красть.* — Дело идет не только о чужой собственности, «Воровство — употреблять вещи, в которых мы не нуждаемся на самом деле». Природа дает изо дня в день как раз то, что составляет нашу ежедневную потребность, не более.

6. *Обет отказа от собственности.* — Недостаточно не иметь собственности. Нужно сохранять только то, что абсолютно необходимо для удовлетворения требований тела. Непрерывно исключать все лишнее. Упрощать жизнь.

Две «заключительные» заповеди присоединяются к этим основным обетам:

1. *Свадеша.* — Не пользоваться вещами, в отношении которых можно ожидать обмана. Это предписание влечет за собою запрет на предметы иностранного производства. Ибо они — продукт эксплуатации нищеты и

страданий трудового народа Европы. Иностранные товары являются, таким образом, «табу» для последователя Ахимсы. Отсюда необходимость носить простые одежды, произведенные внутри страны.

2. *Отсутствие боязни.* — Ибо тот, кто боится, не может следовать предыдущим принципам. Нужно освободиться от страха перед царями, народами, семьей, людьми и дикими зверями, от страха смерти. Человек без страха защищается «силой истины» или «силой души».

Построив характер на этой железной основе, Ганди быстро переходит к другим воспитательным предписаниям, из которых наиболее замечательны следующие два: учитель должен давать пример физической работы (по преимуществу земледельческой); он должен изучать основные наречия Индии.

Что касается детей, однажды вступивших в *Ашрам*, — а их можно помещать туда, начиная с четырех лет⁹⁰, — то они остаются с ним связанными до самого выхода оттуда (цикл обучения длится около десяти лет). Они изолированы от своих семей. Родители отказываются от всякого наблюдения за ними. Дети не навещают родителей. Они носят простые одежды, употребляют простую пищу, строго вегетарианскую, им не полагается дней отпуска в обычном смысле, но лишь полтора дня в неделю для работы на себя и три месяца в году для путешествия пешком по Индии. Хинди и одно из дравидских наречий обязательны для всех. Кроме того в качестве второго языка они должны изучать английский, а также знать алфавиты пяти индийских языков (урду, бенгали, тамильского, телугу и деванагари). Их обучают на их родном наречии истории, географии, математике, экономическим наукам и санскриту. Параллельно они занимаются земледелием и ручным тканьем. Не приходится говорить о том, что все воспитание проникнуто религиозным духом. Когда обучение приходит к концу, молодым людям предоставляется выбор: произнести обет, подобно старшим, или уйти. Все обучение — бесплатное.

Я сравнительно недолго задержался на этой программе воспитания потому, что в ней проявляется высокая духовность движения Ганди, и потому, что он считает ее основным двигателем в осуществлении своих намерений. Чтобы создать новую Индию, нужно создать новые души, души сильные и чистые, души настоящих индийцев. А чтобы создать их, необходим священный легион апостолов, которые, подобно апостолам Христа, были бы солью земли. Ганди — не творец законов и декретов, как наши европейские революционеры. Он — ваятель нового человечества.

Английское правительство, как все правительства в подобных случаях, конечно, ничего не поняло в происходившем. Первым его движением было проявление высокомерной иронии. Вице-король лорд Чельмсфорд сказал, в августе 1920 г., что «из всех нелепостей — это самая нелепая». Скоро пришлось, однако, спуститься с этих удобных позиций презрения. Уже

⁹⁰) К обучению в них допускаются студенты любого возраста.

несколько встревоженное, но неуверенное, правительство 6 ноября 1920 г. опубликовало выдержанное в отеческом тоне, но угрожающее сообщение, в котором указывало, что оно не хотело возбуждать преследований, поскольку зачинщики движения проповедуют воздержание от насилия, но что отдан приказ применять решительные меры против тех, кто перейдет положенные границы и применит насилие или вооруженное сопротивление.

Границы скоро были перейдены, но со стороны правительства. Движение приняло угрожающие размеры. А в декабре 1920 г. произошло событие исключительной важности. Отказ от сотрудничества без насилия был до сих пор лишь пробной тактикой, носившей временный характер; и правительство ласкало себя надеждой, что Индийское Национальное Собрание, на своей сессии в конце года, его отменит. Но Всеиндийский Национальный Конгресс, собравшийся в Нагпуре, наоборот, внес его в Конституцию, в качестве первого пункта закона:

Пункт 1. «Цель Национального Конгресса — достигнуть *Свараджа* (самоуправления) индийского народа всеми мирными и законными путями».

Он подтвердил провозглашение Отказа от сотрудничества, принятое чрезвычайной сессией в Калькутте в сентябре 1920 г., и дополнил его, подчеркивая принцип Неприменения насилия, указывая на необходимость гармонии между различными элементами страны для достижения победы и проповедуя, в связи с этим, индусско-мусульманское объединение, даже более — сближение между привилегированными и отверженными классами. Особенна важно то, что он внес в Конституцию существенные изменения, которыми был окончательно установлен порядок представительства всех партий Индии⁹¹. Конгресс отнюдь не скрывал, что Отказ от сотрудничества был лишь первым этапом начатой борьбы. Он заявлял, что полный отказ от общения с правительством и от платежа налогов войдет в силу в определенный момент, который будет определен позднее. Пока же, для подготовки к нему страны, расширялся бойкот, поощрялось индийское ткачество, распространялись призывы к студенчеству, к родителям, к должностным лицам: им предлагали с большим усердием проводить Отказ от сотрудничества. Тем, кто отказывался повиноваться предписаниям Конгресса, угрожало исключение из общественной жизни; все было как бы утверждением Государства в Государстве, истинного Государства Индии лицом к лицу с британским правительством. Последнее не могло более бездействовать. Нужно было начать переговоры или сражаться. Малейший признак духа примирения сделал бы соглашение еще возможным. Конгресс заявил, что достигнет своей цели «совместно с Англией, если она пойдет на это, если нет — то без нее». Как всегда в европейской политике по отношению к другим расам, насилие одержало верх. Начались поиски поводов. Они, конечно, нашлись.

⁹¹) В Нагпурском Конгрессе принимало участие приблизительно 4726 делегатов, из них 469 мусульман, 65 сикхов, 5 парсов, 2 пария, 4079 индусов, 106 женщин.

Согласно новой Конституции, один делегат избирался от 50 000 жителей, что дало бы всего 6173 делегата. Сессии Всеиндийского Национального Конгресса происходят раз в год (около Рождества), Комитет Всеиндийского Конгресса, состоящий, примерно, из 350 членов, должен проводить политику Конгресса на основе его резолюций; в промежутках между сессиями Конгресса к нему переходят полномочия последнего. Исполнительный Комитет из 15 членов играет роль Кабинета Министров по отношению к Парламенту; он может быть распущен Комитетом Конгресса.

Нагпурский Конгресс наметил план построения провинциальных Комитетов Конгресса, представлявших 21 провинцию и 12 языков, а также местных Комитетов Конгресса во всех деревнях и группах деревень, с отрядами «рабочих» или национальных выборных (*Индийская национальная служба*), содержащихся на средства всеиндийского фонда *Сварадж*, в память Тилака.

Всякий мужчина или женщина, подписавший четыре анна в фонд Конгресса, является избирателем, при условии, если он подписал *Credo* Конституции. Избирательный возраст — 21 год. Условие — принятие пункта 1 Конституции, регламентов и методов, предписанных Конгрессом.

Несмотря на принцип неприменения насилия, утвержденный Ганди и Конгрессом, в нескольких местностях Индии произошли довольно крупные беспорядки, имевшие лишь весьма отдаленную связь с движением Отказа от сотрудничества. В Соединенных провинциях (Аллахабад) имеют место аграрные волнения, восстания арендаторов против помещиков, вызвавшие вмешательство полиции, которое привело к кровопролитию. Далее, движение Акали (сикхов), вначале носившее чисто религиозный характер, приняло методы Отказа от сотрудничества и закончилось в феврале 1921 г. избиением двухсот сикхов. По чистой совести, Ганди и его учеников нельзя было считать ответственными за этот акт фанатизма. Но англичане воспользовались случаем. Репрессии продолжались с марта 1921 г. до конца года с возрастающей силой. Предлогом к ним послужили манифестации против торговцев спиртными напитками. Не в первый раз алкоголизм шел рука в руку с европейской цивилизацией. Индийский Конгресс образовал фонд *Сварадж-Тилак* в десять миллионов рупий, причем число членов дошло до десяти миллионов, а число шарка до двадцати лакхов (двух миллионов). В августе 1921 г. была принята резолюция о полном бойкоте иностранных тканей с 30 сентября. Правительство ответило на нее насильственными мерами. В конце ноября был издан закон против мятежных собраний. В некоторых провинциях местной полиции было дано право действовать по своему усмотрению для подавления движения, объявленного революционным и анархическим. Были арестованы тысячи индусов; самые уважаемые люди не составили исключения⁹². Естественно,

⁹²) Ладжпат Рай был арестован первым, 3 декабря 1921 г., согласно закону о преступлениях от 24 ноября 1921 г.

эти меры вызвали бунты и кое-где стычки между полицией и толпой, убийства, пожары.

Комитет Всеиндийского Конгресса, собравшись в Безваде в последнюю неделю марта, обсудил вопрос, следует ли провозгласить Гражданское неповиновение. С редкой мудростью он решил, что страна еще недостаточно созрела и недостаточно дисциплинирована для применения этого обоюдоострого оружия; он решил ждать, организовав пока нечто вроде гражданской и финансовой мобилизации.

Ганди возобновил с еще большим рвением свою борьбу за единство Индии, за единение религий, рас, партий и каст. Он прибег к помощи богатых парсов⁹³, крупных купцов и фабрикантов, в большей или меньшей степени проникнутых, как он говорил, духом Рокфеллера. Индусско-мусульманскому единению постоянно угрожали старые предрассудки, взаимная боязнь и подозрения. Он душой и телом отдался делу этого объединения⁹⁴, стремясь установить между этими двумя народами не слияние, фактически невозможное, которого не желал бы и он сам, а прочный союз, основанный на дружбе⁹⁵.

Самым упорным его стремлением было — вернуть в индусское общество отверженные классы. Его страстное требование прав париям, его полные возмущения и страдания протесты против этой чудовищной несправедливости одни могли бы обессмертить его имя. Боль, которую ему причиняло то, что он называет «самым позорным пятном индуизма»⁹⁶, коренилась во впечатлениях его детства. Он рассказывает, что, когда он был ребенком, к ним в дом для черной работы приходил один пария; ребенку запрещали прикасаться к нему, не делая очистительных омовений; он не соглашался с этим и спорил с родителями. В школе он часто дотрагивался до неприкасаемых. Мать советовала ему для очищения дотронуться затем до мусульманина. Но в двенадцать лет он уже составил свое мнение. Он поклялся смыть этот грех с совести Индии. Он мечтал прийти на помощь своим униженным братьям. Дух его проявляет наивысшую свободу, когда служит их делу. Об этом можно судить уже по тому, что он был бы готов пожертвовать даже религией, если бы ему доказали, что неприкасаемость составляет один из ее догматов. И эта единственная несправедливость

⁹³) 23 марта 1921 г.

⁹⁴) 6 октября 1920 г., 11 мая, 18 мая, 28 июля, 20 октября 1921 г.

⁹⁵) Приводя в пример свою тесную дружбу с мусульманином Маулана Магометом Али, он подчеркивает, что оба они остались верными своей религии. Ганди не отдал бы свою дочь замуж за одного из сыновей Али; он не разделил бы трапезу со своим другом; и друг его поступал бы точно так же. Это, однако, не мешает им любить друг друга и быть уверенными друг в друге. Ганди, впрочем, не считает, что смешанные браки между индусами и магометанами или их общие трапезы заслуживают порицания; но такое слияние будет возможно лишь через столетия. Практическая политика не должна требовать подобной реформы. Ганди ей не препятствует, но считает ее преждевременной. В этом вновь проявляется его чутье действительности (20 октября 1921 г.).

⁹⁶) В публичной речи 27 апреля 1921 г.

оправдывает в его глазах все те несправедливости в мире, от которых страдают индусы.

«Если индусы стали париями Империи, это — воздаяние вечной справедливости. Пусть сами индусы смоят со своих рук пятна крови. «Неприкасаемость» унизила Индию. В южной Африке, в восточной Африке, в Канаде с индусами, в свою очередь, обращаются, как с парнями. Сварадж (самоуправление) невозможно, пока существуют парни. Индия виновна. Англия не совершила более черных преступлений. Первая обязанность человека — защищать слабых и не оскорблять человеческой совести. Пока мы не смыли с себя этого греха, мы хуже скотов. Сварадж должен быть царством справедливости во всем мире...»⁹⁷

Ганди желал, чтобы национальное законодательство возможно скорее улучшило существование братьев-париев, чтобы им было предоставлено достаточное количество школ и колодцев, ибо пользование общественными колодцами было им запрещено. Но, до тех пор, обуревающее его нетерпение, которое не позволяет ему ждать, сложа руки, пока привилегированные классы исправят свою несправедливость, заставляет его перейти в лагерь париев: он становится во главе их, стремится их объединить. Он обсуждает вместе с ними различные тактические шаги: что они могли бы сделать? Обратиться к индийскому правительству? Это означало бы лишь переменить вид рабства... Отвергнуть индуизм (заметьте это великодушное дерзновение великого верующего индуса) и перейти в христианство или магометанство. Ганди готов был бы посоветовать им это, если бы индуизм был неотделим от неприкасаемости. Но он убежден, что последняя — лишь вредный нарост на индуизме, который должен быть удален. Парии, следовательно, должны организовать для своей защиты. Они могли бы прибегнуть к оружию отказа от сотрудничества по отношению к индуизму, прервав всякие сношения с индусами (довольно смелые советы социального бунта в устах этого патриота!). Но, продолжает Ганди, парии неспособны на какую-либо организацию; у них нет вождей. Пусть же они присоединятся, — это единственное, что им остается сделать, — к общему движению индийского Отказа от сотрудничества, первым условием которого является единение классов. Истинный Отказ от сотрудничества есть религиозный акт очищения. Никто не может в нем участвовать, если отвергает париев; он совершил бы тяжкий грех. Таким образом Ганди удается согласовать религию, родину и человечество⁹⁸.

Эти первые попытки единения получили торжественное освящение на Конференции «отмененных» классов (*Suppressed Class-conference*), на которой Ганди председательствовал в Ахмедабаде, 13—14 апреля 1921 г. Там он произнес одну из лучших своих речей. Он не довольствуется тем, что провозглашает отмену социального неравенства; он ожидает от париев больших достижений в социальной жизни возрожденной Индии; он

⁹⁷) 27 октября 1920 г., 27 апреля 1921 г.

⁹⁸) 27 октября 1920 г.

возвращает им доверие к самим себе; он внушает им пламенные надежды, воодушевляющие его самого. Он заметил в них, — говорит он, — громадные скрытые возможности. Он считает, что за какие-нибудь пять месяцев неприкасаемые классы сумеют своим достоинством завоевать подобающее место в великой индийской семье.

Ганди дана была радость видеть волнение Индии под влиянием призыва, обращенного к ее сердцу, и осуществление эмансипации париев во многих районах⁹⁹. Накануне своего ареста он еще был занят этим делом и сообщал об его успехах. Брахманы посвящали себя ему. Привилегированные классы давали трогательные примеры раскаяния и братской любви. Ганди рассказывает об одном молодом восемнадцатилетнем брахмане, который стал метельщиком, чтобы жить среди париев¹⁰⁰.

С неменьшим благородством Ганди занялся еще одним великим вопросом — именно женским.

Половой вопрос особенно остро стоит в Индии, богатой пьющей через край, подавляющей и плохо обузданной чувственностью. Браки между детьми преждевременно истощают физические и нравственные силы народа. Власть пола неотвязно тяготеет над мыслью, унижая достоинство женщины. Ганди публикует жалобы индусских женщин на унижительное отношение к женщине индусских националистов¹⁰¹. Он признает эти упреки основательными. Это, — говорит он, — такая же тяжелая язва Индии, как и неприкасаемость. Но он добавляет, что ею страдает весь мир. Эта проблема — универсальна. Так же как и в проблеме париев, он ожидает, что положение будет улучшено скорее силами самих угнетенных, чем угнетателей. Он обращается к женщинам, предлагая им, чтобы они прежде всего сумели внушать к себе уважение, перестав смотреть на себя как на предмет вожделений мужчин. Пусть они решительно примут участие в общественной жизни, требуя своей доли риска и опасностей. Пусть они не только откажутся от своей роскоши, сбрасывая и сжигая иностранные ткани, но и разделят все труды мужчин. Уже немало выдающихся женщин было заключено в тюрьму в Калькутте. Это хорошо. Пусть они отнюдь не требуют смягчения режима, а соперничают в выносливости и лишениях с мужчинами. На этой почве женщина всегда может превзойти мужчину. Пусть же они ничего не страшатся. Самая слабая из всех может сохранить свою честь. Достаточно уметь встретить смерть¹⁰².

⁹⁹) С конца апреля 1921 г. неприкасаемость пошла на убыль. Во многих деревнях парии живут среди других индусов и разделяют их права (27 апреля 1921 г.). Зато в других областях, особенно в Мадрасе, положение их остается отчаянным (29 апреля 1921 г.). Вопрос с тех пор включен в порядок дня индийских Национальных Собраний. Уже Конгресс в Нагпуре, в декабре 1920 г., высказал пожелание, чтобы исчез «грех» неприкасаемости.

¹⁰⁰) 27 апреля 1921 г.

¹⁰¹) 21 июля 1921 г., 6 октября 1920 г.

¹⁰²) 21 июля, 11 августа, 15 декабря 1921 г.

Он не забыл и *наших падших сестер*¹⁰³. Он рассказывает о беседах, которые он вел в собраниях, где было несколько сот таких женщин, в провинции Андра и в Баризале. С каким простым благородством он говорит с ними, и они говорят с ним, — они доверяются ему, они просят у него совета. Он ищет для них честного ремесла, предлагает им прялку, они обещают тотчас же сесть за нее, если только им придут на помощь. И, обращаясь к мужчинам Индии, Ганди напоминает им об уважении к женщине:

«Этой игре в порок нет места в нашей Революции. Сварадж означает, что мы смотрим на всех обитателей Индии как на наших братьев и сестер... Уважение ко всем... Женский пол не слабый пол, — он более благородный из двух вследствие своей способности к жертвам, к молчаливому страданию, смирению, вере и познанию. Интуиция женщины зачастую превосходит самонадеянную претензию мужчин на высшее знание...»

Он нашел в женщинах Индии, начиная со своей жены, одаренных помощниц и своих лучших учениц.

III

1921 год является апогеем влияния Ганди. Он располагает огромной моральной властью; и, хотя он этого не ищет, ему дают в руки почти неограниченную политическую власть. Народ считает его святым, его изображают на картинах в виде Шри-Кришны¹⁰⁴. В декабре 1921 г. Всеиндийский Национальный Конгресс облакает его всеми полномочиями, передает ему свои права, предоставляя право избрания своего преемника. Он — бесспорный повелитель индийского народа. От него зависит начать политическую революцию, или даже, если бы он захотел, провести религиозную реформу.

Он этого не сделал. Он этого не пожелал. Моральное величие. Моральная нерешительность. Может быть, и то и другое. Трудно кому бы то ни было (и в особенности человеку иной цивилизации) проникнуть в совесть другого, особенно столь глубокую и тонкую совесть, какой обладает Ганди. Трудно решить, в вихре событий, со всех сторон налетавших на Индию в этот бурный год, всегда ли рука рулевого оставалась твердой и управляла ли она гигантским кораблем, не уклоняясь и не дрожа. Но я постараюсь все же высказать то, что, по-моему, мне удалось разгадать в этой живой загадке, с религиозным благоговением, которое я питаю к этому великому человеку, с искренностью, которая является ответом на его искренность.

Если власть Ганди была велика, велики были и опасности, связанные с ее применением. По мере того как общественное движение расширялось,

¹⁰³) Это — заглавие одной из его статей: «*Our fallen Sister*» (15 сентября 1921 г.).

¹⁰⁴) Ганди протестует в *Young India* (июнь 1921 г.).

трепет его передавался сотням миллионов людей, становилось все труднее направлять его и сохранять самому равновесие на этом взволнованном море. Согласовать умеренность разума и широту взгляда с порывами необузданных масс — задача, превышающая человеческие силы. Рулевой, кроткий и богобоязненный, молится и полагается на бога. Но голос, которому он внимлет, доходит до него, заглушаемый голосом бури. Дойдет ли он до других?..

Менее всего он рискует впасть в грех гордости. Никакое поклонение не может вскружить ему голову. Оно оскорбляет его скромность, как и его здравый смысл. Случай, пожалуй, единственный в истории пророков и великих мистиков: у него не бывает никаких видений, никаких откровений, и он стремится поверить в них сам или заставить поверить. Незапятнанная искренность. Чело его остается безмятежным, сердце не знает тщеславия. Он был и остается человеком, подобным другим людям... Нет, пусть его не называют святым. Он не хочет этого (и тем самым он свят...).

«Слово Святой, — пишет он, должно быть вычеркнуто из современной жизни... Я молюсь, как всякий добрый индус, я верю в то, что мы все можем быть посланцами божьими; но я не получал никакого особого откровения от бога. Я твердо убежден, что он открывается всякому человеческому существу, но мы затыкаем уши и не слышим тихого внутреннего голоса... Я считаю себя лишь скромным работником, смиренным служителем Индии и Человечества (a humble servant of India and Humanity). Я не имею никакого желания основывать секту. Я, в самом деле, слишком честолобив. Я не возвещаю каких-либо новых истин. Я пытаюсь возвестить Истину и ей следовать, поскольку я ее знаю. Я бросаю новый свет на многие старые истины»¹⁰⁵.

Для самого себя он остается, таким образом, всегда скромным, полным сомнений, лично неспособным на какую-либо исключительность ни как патриот Индии ни как теоретик Отказа от сотрудничества. Он не допускает никакой тирании даже ради благой цели. «Никогда не следует заменять рабство у правительства рабством у приверженцев Отказа от сотрудничества»¹⁰⁶. Он не желает также противопоставлять свою родину другим родинам; и его патриотизм не замыкается в пределах Индии. «Для меня патриотизм сливается с человечностью. Я патриот потому, что я человек и человечен. Я не признаю исключительности. Я не сделал бы зла Англии или Германии ради пользы Индии. Империализму нет места в моем плане жизни. Чем меньше у человека любви к людям, тем менее он патриот»¹⁰⁷.

Были ли, однако, его ученики так же сдержаны? Что делается с его учением в руках некоторых из них? И что из этого учения доходит до масс при их посредстве?

¹⁰⁵) 12 мая 1920 г., 25 мая, 13 июля, 25 августа 1921 г.

¹⁰⁶) 8 декабря 1920 г.

¹⁰⁷) 16 марта 1921 г.

Когда Рабиндранат Тагор, после нескольких лет путешествия по Европе, вернулся в августе 1921 г. в Индию, он был потрясен переменой, которую нашел в умах. Его беспокойство началось даже раньше его возвращения и выразилось в ряде писем, написанных из Европы к его индийским друзьям; некоторые из них были напечатаны в «*Modern Review*»¹⁰⁸. Необходимо остановиться на этих несогласиях между двумя великими умами, питающими друг к другу почтение и восхищение, но роковым образом несходными друг с другом, как несходны мудрец и апостол, святой Павел и Платон. С одной стороны — дух веры и милосердия, мечтающий быть закваской, на которой взойдет новое человечество. С другой — дух разума, свободного, широкого и ясного, обнимающий совокупность всех существований.

Нам известно, что, кроме этого письменного диспута, Тагор, по возвращении в Индию, имел личное свидание с Ганди. Никто не обнаружил о нем каких-либо сведений. Но С. Ф. Эндрьюс, бывший единственным его свидетелем, любезно сообщил нам, какие вопросы были затронуты в их споре и каковы были аргументы, приводившиеся с обеих сторон.

Тагор всегда признавал святость Ганди и говорил мне о нем с глубоким почтением: однажды, когда я, говоря о Махатме, упомянул рядом с ним Толстого, Тагор заметил, что Ганди ему гораздо более близок, чем Толстой, и, по его мнению, более просветлен (теперь, зная его ближе, я думаю то же самое), ибо все в Ганди — сама природа, простая, скромная и чистая; и ясность облекает самую его борьбу. У Толстого же все — горделивый бунт против гордости, гнев против гнева, страсть против страстей, все — насилие, вплоть до отказа от насилия... Тагор писал из Лондона 10 апреля 1921 г.: «Мы благодарны Ганди, так как он дал Индии случай доказать, что вера ее в божественный дух человека еще жива». И, несмотря на некоторые оговорки против движения Ганди, которые он уже высказывал, покидая Францию, чтобы вернуться на родину, Тагор был склонен оказать ему помощь. Даже пламенный манифест от октября 1921 г., о котором я скажу ниже и который завершил разрыв, *Призыв Истины*, начитается таким восхвалением Ганди, какого никто никогда еще не писал.

С своей стороны, Ганди относится к Тагору с симпатией и уважением; и, даже расходясь с ним по взглядах, старается с ним не порывать. Чувствуется, что ему тяжело вступать с ним в полемику; и, когда добрые друзья пытаются обострить спор, передавая некоторые интимные

¹⁰⁸) «*Letters from Abroad*». Три письма от 25 и 13 марта 1921 г. были напечатаны в майском номере «*Modern Review*» 1921 г. «*Призыв к истине*», написанный после возвращения Тагора в Индию, появился в «*Modern Review*» от 1 октября 1921 г.

разговоры, Ганди заставляет их замолчать, подчеркивая все, чем он обязан Тагору¹⁰⁹.

Но различие их натур должно было роковым образом обостриться. Уже летом 1920 г. Тагор сожалел, что через край бьющая в Ганди сила любви и веры была, со времени смерти Тилака, поставлена на службу политике. Сам Ганди, конечно, решился на это без малейшей радости; но после смерти Тилака Индия лишилась политического вождя; необходимо было заменить его.

*«Если кажется, что я принимаю участие в политике, — определенно говорит он в тот момент, когда решается на это, — то лишь потому, что сейчас политика сжимает нас, как змея своими кольцами: как ни старайся, из них не вырваться. Поэтому я хочу бороться со змеей... Я пытаюсь внести религию в политику».*¹¹⁰

Но Тагора огорчала эта необходимость. Он писал 7 сентября 1920 г.:

*«Вся моральная сила, воплощенная в жизни Махатмы Ганди, и только в нем из всех людей мира, необходима нам сейчас. То, что столь драгоценное сокровище погружено на утлый корабль нашей политики и пущено по бесконечным волнам раздраженных обвинений, — великое несчастье для нашей страны, призванной пламенем своей души возратить жизнь умершим... Расточение наших духовных ценностей в действиях, предосудительных с точки зрения нравственной истины, — глубоко печальное явление. Превращать моральную силу в слепую силу — преступно»*¹¹¹. Эти строки были вызваны шумом, сопровождавшим начало кампании Отказа от сотрудничества, и агитацией, поднятой в Индии во имя Хиляфата и Пенджабских преступлений. Он опасался ее последствий для неустойчивого и подверженного приступам истерической ярости народа. Ему хотелось отвлечь мысли от мести или от требований исправить содеянное; ему хотелось, чтобы непоправимое было забыто и все усилия обращены на созидание души великой Родины. Насколько его восхищало в мысли и в действиях Ганди пламенное излучение духа жертвы (он говорит об этом в письме от 2 марта 1921 г., которое я воспроизведу ниже, настолько ему антипатичен элемент отрицания, заключенный в новой вере — Отказе от сотрудничества. У него было отвращение ко всему, в чем звучало «нет». Это дало ему случай противопоставить положительный идеал брахманизма, очищение жизненных радостей, — отказу от них, требуемому

¹⁰⁹) Например, в одной из своих последних статей, озаглавленной *Слишком святое, чтобы предавать гласности* (9 февраля 1922 г.). Тагор и Ганди знали друг друга с давних пор. Ганди не раз гостил в Сантаникетане у Тагора. Он имел разрешение, — говорит он, — считать этот дом своим убежищем; и в то время, как он находился в Англии, там воспитывались его дети.

¹¹⁰) 12 мая 1920 г.

¹¹¹) И позднее: «Махатме подобает всякая честь. Но наши политики не могут отказаться от мысли использовать его для тайных и остроумных ходов на своей шахматной доске» (1 октября 1921 г.).

отрицательным идеалом буддизма¹¹². На это Ганди ответит, что акт отвержения не менее необходим, чем акт приятия. Человеческое усилие состоит из того и другого. Заключительное слово Упанишад — отрицание. И определение Брахмана, даваемое авторами Упанишад, есть: *Neti* (Не это!). Индия в слишком большой мере утратила способность говорить: «Нет!» Ганди вернул ей эту способность. «Прежде чем сеять, надо полоть... вырывать зло»¹¹³.

Тагор же, бея сомнения, ничего не хочет вырывать. Его поэтическое созерцание примиряется со всем, что есть, и наслаждается его гармонией. Он высказывает это на страницах, которые дышат гениальной красотой, но проникнуты крайней отрешенностью от действия. Это танец Натарайа, играющей с иллюзиями:

«Я всеми силами стараюсь согласовать свой образ мыслей с диапазоном великого чувства экзальтированного возбуждения, проносащегося над моей родиной. Но почему в глубине моего существа живет этот дух сопротивления, хотя я страстно желаю изгнать его? Я не могу найти ясного ответа; но в сумерках моей подавленности, я вижу, брезжит улыбка, и голос говорит мне: «Ваше место среди детей, на морских побережьях мира: там ваш покой, и там я с вами». И вот почему я сейчас забавлялся, изыскивал новые ритмы. Это лишь безделушки, которые радуются, что их уносит течение настоящей минуты, и танцуют на солнце, и смеются, исчезая. Но в то время, как я забавляюсь, все сущее веселится: ибо листья и цветы — разве не проявления ритмов, которые никогда не кончаются? Мой бог — разве он не вечный расточитель времени? Он бросает звезды и планеты в вихри превращений; на поверхности потока Видимости он пускает бумажные кораблики Веков, нагруженные его прихотями. Когда я его мучу и прошу его позволить мне остаться его маленьким учеником, прошу принять несколько пустяков, созданных моей фантазией, в качестве груза для его игрушечных корабликов, он улыбается, и я спешу за ним, держась за край его одежды... Но где же это я, среди толпы, толкаемый спади, теснимый со всех сторон? И что за шум меня окружает? Если это песня, то моя ситар может схватить ее мелодию, и я присоединяюсь к хору, ибо я певец. Но если это крик, голос мой замирает, и я чувствую себя оглушенным. Все эти дни я пытался, напрягая слух, уловить в нем мелодию; но идея Отказа от сотрудничества, с ее мощной силой звука, с ее сосредоточенной угрозой и криками отрицания, не звучит для меня песней. И я говорю себе: «Если ты не можешь идти тем же шагом, что твои соотечественники в этот решающий момент истории, остерегайся говорить им, что они неправы, а ты прав; но покинь свой

¹¹²) 5 марта 1921 г.

¹¹³) 1 июня 1921 г.

пост воина, вернись в уединенный угол поэта и будь готов принять насмешку и пренебрежение народа»¹¹⁴.

Так мог бы говорить Гете: Гете — индийский Вакх. И кажется, что теперь все сказано: Поэт прощается с Действием, вступившим на путь отрицания; он ткёт вокруг себя завесу творческого очарования. — Но Тагор не замыкается в нем. Как он сам пишет, «судьба избрала его, чтобы направить лодку как раз против течения». Он был не только Поэтом; он был в этот момент жизни духовным посланцем Азии в Европе; и он только что просил у последней сотрудничества для всемирного Университета, которым собирался основать в Сантаникетоне.

«Какая ирония судьбы, что я прихожу просить по эту сторону океана о сотрудничестве между культурами Востока и Запада, именно в тот момент, когда по другую сторону проповедуется отказ от сотрудничества»¹¹⁵.

Отказ от сотрудничества задевал его непосредственно, в его действии и в его интеллектуальной вере: «Я верю в истинное единение Востока и Запада»¹¹⁶.

Он задевал его и в его многосторонней духовной личности, вскормленной всеми культурами мира.

«Все славные деяния человечества — мои... Бесконечная личность Человека (как гласят Упанишады) может быть завершена лишь в грандиозной гармонии всех человеческих рас... Я молюсь за то, чтобы Индия представляла пример сотрудничества всех народов мира. Для нее Единение есть Истина, разделение — Майя. Единство включает в себе все и поэтому не может быть достигнуто путем отрицания... Усилие, делаемое в настоящее время, чтобы отделить наш дух от духа Запада, это — попытка духовного самоубийства... Наш век пребывал под мощным влиянием Запада. Это было возможно лишь потому, что на долю Запада выпала какая-то великая миссия по отношению к человеку. Нам, людям Востока, надлежит извлечь из этого урок. Безусловно нехорошо, что мы уже с давних пор потеряли связь со своей собственной культурой и вследствие этого культура Запада не поставлена на ее истинное место. Но говорить, что нехорошо поддерживать отношения с нею, это значит поощрять худший вид провинциализма, который может породить лишь духовную бедность... Эта проблема стала сейчас всемирной. Ни один народ не может достигнуть спасения, отделившись от других. Или вместе спастись или вместе исчезнуть»¹¹⁷.

Как Гете в 1813 г. отказывался ненавидеть французскую цивилизацию, так и Тагор не может допустить отрицания цивилизации Запада. И хотя не в

¹¹⁴) 5 марта 1921 г.

¹¹⁵) Ibid.

¹¹⁶) Ibid.

¹¹⁷) 13 марта 1921 г. — Эти же мысли были повторены и развиты в статье: *Единение культур* (*Modern Review*, ноябрь 1921 г.).

этом заключается сущность учения Ганди, Тагор знает, что этот смысл придадут ему взбаламученные страсти индусского национализма. Он опасается пришествия итога духовного варварства:

«Ради чего предлагают студенты принести жертву? Не ради более полного образования, а ради необразования... Я вспоминаю, как в начале первого движения Свадеш¹¹⁸ толпа молодых студентов пришла ко мне: они заявили, что если я прикажу им покинуть свои школы и университеты, они немедленно меня послушаются. Я категорически отказался, и они ушли недовольные, сомневаясь в искренности моей любви к матери-родине»¹¹⁹.

И именно весной 1921 г., когда Тагор с неудовольствием узнал, что в Индии бойкотируют английские школы, он мог видеть и в Лондоне агрессивный пример этого интеллектуального национализма; на лекции его друга, профессора Пирсона, индийские студенты устроили неприличные демонстрации. Тагор приходит в негодование. В письме к директору Сантаникетана он клеймит этот дух мелочной нетерпимости. Он возлагает вину за это на движение Отказа от сотрудничества. — Ганди отвечает на эти обвинения¹²⁰. Признавая относительность моральной ценности европейского гуманитарного воспитания, которое не имеет ничего общего с воспитанием характера и которое он считает повинным в расслаблении индийской молодежи, он, однако, осуждает это проявление варварской грубости и заявляет, что его ум свободен.

«Я желаю, чтобы мой дом был загорожен со всех сторон и чтобы мои окна были закупорены. И хочу, чтобы дыхание всех культур всех стран свободно веяло в моем жилище, но я не хочу, чтобы оно унесло меня с собой. Моя религия — не религия тюрьмы. В ней есть место для ничтожнейшего из творений божьих. Она закрыта для дерзкой гордости расы, религии, цвета кожи».

Это — благородные слова. Однако они не рассеяли тревоги Тагора. Он отнюдь не сомневается в Ганди. Но он боится Гандистов. И едва он высадился в Индии в августе 1921 г., как с первых же шагов ему стало душно от их слепой веры в утверждения учителя. Он чувствует близкую угрозу умственного деспотизма; и 1 октября помещает в своем *Modern Review* настоящим манифест: *Призыв к Истине*, направленный против этого рабского строя мысли. Этот протест тем более разителен, что ему предшествует великолепное восхваление личности Махатмы. Тагор, вспоминая начало освободительного движения в Индии в 1907—1908 гг., говорит, что взгляды индийских политических вождей оставались книжными; они вдохновлялись тенями Берка, Гладстона, Маццини, Гарибальди и

¹¹⁸) Первое движение за индийский *Home Rule*, вызванное в 1907—1908 гг. разделением Бенгалии.

¹¹⁹) 5 марта 1921 г.

¹²⁰) *The Poets Anxiety*, 1 июня 1921 г.

оказались неспособными распространиться за пределы верхов общества, говоривших по-английски.

«В этот момент явился Махатма Ганди. Он стоял на пороге хижины тысяч обездоленных, в той же одежде, что и они. Он говорил с ними на их языке. Это была, наконец, правда, а не цитаты из книг. Поэтому данное ему имя Махатмы — его настоящее имя. Кто иной почувствовал, что все обитатели Индии — его плоть и кровь. При соприкосновении с истиной подавленные силы души пробудились. Как только истинная Любовь стала у врат Индии, они распахнулись настежь. Все колебания исчезли. Истина разбудила истину... Честь Махатме, который выявил силу истины... Так, когда Будда провозгласил истину Сострадания ко всем живым существам, обретенную им как плод самодисциплины, Индия пробудилась в цвете своей мужественности; ее сила вылилась в науках, искусствах и богатствах; она разлилась за океан и пустыни... Никакие коммерческие и военные мероприятия не могли никогда дать ничего подобного... Одна Любовь истинна. Когда она дает свободу, она становится средоточием нас самих».

Но этот апофеоз внезапно прерывается. За ним следует разочарование:

«Несколько звуков музыки этого чудесного пробуждения Индии через любовь дошли до меня самого через океаны... В надежде вдохнуть свежий ветер новой свободы я возвратился, полный радости. Но то, что я нашел по возвращении, повергло меня в уныние. Атмосфера подавленности тяготела над страной. Какое-то внешнее давление, казалось, заставляло всех и каждого говорить в одном и том же тоне, ворочать один и тот же жернов. Я слышал везде одно — что разум и культура должны быть поставлены под запрет; нужно лишь прилепиться к слепому повиновению. Как легко, во имя внешней свободы, раздавить внутреннюю свободу человека».

Нам знакома эта тревога и этот протест. Они присущи всем временам. Последние свободные умы умирающего античного мира проявляли их перед лицом христианского мира, шедшего на смену. Перед лицом великих приливов человечества, вздымаемых слепым потоком веры, социальной или национальной, мы чувствуем, как в нас нарастает этот протест. Это — извечный бунт свободной души против эпох веры, порожденных ею же самой; ибо вера, бесконечная свобода для горсточки избранных, лишь новое рабство для приветствующих ее народов.

Но осуждение Тагора касается не только фанатизма толпы. Через голову массы, опьяненной повиновением, оно поражает самого Махатму. «Как бы велик ни был Ганди, не превосходит ли власть, которую он берет, сил одного человека? Дело, подобное делу Индии, не может быть передано в руки одного владыки. Махатма — владыка истины и веры. И, конечно, «золотой жезл», который может пробудить нашу страну — истина и вера, — не из тех вещей, которые могут быть сделаны любым мастером... Наука и искусство построения Свараджа (*Home Rule*) — огромное дело. Пути его

трудны и требуют времени. Для такой задачи порыв и увлечение, конечно, необходимы, но не в меньшей мере необходимо изучение и рассуждение. Для ее решения экономист должен размышлять, рабочий — работать, воспитатель — поучать, государственный человек — изощрять свой ум. Иными словами, духовная сила страны должна действовать во всех направлениях. Нужно сохранять во всем дух исследования, нетронутый и ничем не связанный. Никоим образом нельзя запугивать разум явным или скрытым давлением».

Тагор, таким образом, призывает к сотрудничеству все свободные силы Индии.

«В наших древних лесах гуру (мудрецы), во всеоружии своего прозрения, обращали Призыв ко всем искателям Истины... Почему же наш гуру, который хочет вести нас по путям действия, не обращается к нам также с Призывом?»

Но гуру Ганди обратил лишь один-единственный призыв ко всем и к каждому: «Тките и прядите».

«Разве это — Призыв нового века к новому созиданию? Если большие машины — опасность для духа Запада, разве маленькие машины не худшая опасность для нас самих?»

Недостаточно даже, чтобы все силы нации сотрудничали между собой, нужно, чтобы они сотрудничали и с силами вселенной. «Пробуждение Индии связано с пробуждением мира... Впредь всякий народ, который будет замыкаться в себе, пойдет против духа нового времени». И Тагор, который только что провел несколько лет в Европе, вспоминает людей, которых встречал там, добрых европейцев, освободивших свое сердце от цепей национализма, чтобы посвятить его служению всему человечеству, — то преследуемое меньшинство граждан мира, *Cives totius orbis*, которых он причисляет к Санньясинам¹²¹, тех, кто осуществили в своей душе Единство человечества...

«А мы — мы одни будем удовлетворяться тем, что станем перебирать четки Отрицания и без конца возвращаться к ошибкам ближнего, продолжать возведение Свараджа на основе ненависти... Когда птица пробуждается на заре, не все ее внимание поглощено поисками пищи. Ее крылья неустанно отвечают на призыв небес. Ее горло изливает песни радости новому свету. Новое человечество шлет нам свой призыв. Пусть же дух наш ответит на своем языке... Наш первый долг на заре — вспомнить о том, кто один, кто не знает различия классов и цвета и кто, разнообразными своими способностями, удовлетворяет так, как это необходимо, нуждам каждого класса и всех классов. Будем просить Того, кто дарует мудрость, объединить вас всех в истинном понимании»¹²².

¹²¹) То есть тем, кто покончил со своей личной жизнью, чтобы принести людям Единство.

¹²²) Парафраза первой песни Упанишад.

Эти царственные слова, принадлежащие к числу самых высоких, которые приходилось слышать народу, эта солнечная поэма господствует над всеми человеческими разногласиями. И единственное возражение, которое можно сделать против них, — это то, что они господствуют над ними в слишком большой мере. С высоты веков — они правы. Птица-поэт, *жаворонок величиной с орла* (как сказал Гейне об одном из гигантов нашей музыки), поет на развалинах Времени. Он живет в Вечности. Но настоящее не ждет. Нынешний час требует немедленного облегчения своих страданий, пусть неполного, но во что бы то ни стало. И в этом отношении Ганди, у которого нет взлетов Тагора (или который, может быть, как Бодхисатва Жалости, отказался от них, чтобы жить среди обездоленных), имеет хорошие карты, чтобы ответить.

Он отвечает на этот раз с большей страстностью, чем та, которую он раньше проявлял в этом благородном состязании. Его ответ не заставил себя ждать; он появляется 13 октября в *Young India* и полон подъема. Ганди благодарит *великою часового*¹²³ за то, что он предостерегает Индию от некоторых опасностей. Он соглашается с ним о необходимости свободы суждения:

«Никто не должен доверять свой разум кому-либо другому. Слепое доверие часто вреднее, чем вынужденное подчинение кнуту тирана. Для раба грубого насилия еще есть надежда; для раба любви — надежды нет».

Тагор — бдительный страж, предупреждающий о приближении врагов, имя которым: ханжество, равнодушный покой, нетерпимость, невежество, застой. Но Ганди не допускает, что упреки Тагора основательны. Махатма обращается всегда к разуму. Неверно, что в Индии существует слепое повиновение. Если страна решилась перейти к прялке, то это произошло после долгого и всестороннего размышления. Тагор говорит о терпении и удовлетворяется прекрасными песнями. Но теперь война! Пусть поэт оставит свою лиру! Петать он может потом. «Когда дом в огне, каждый берет ведро, чтоб тушить пожар...»

«Когда окружающие меня умирают от недостатка пищи, единственное позволенное мне занятие — кормись голодных... Индия — дом в огне... Индия умирает с голоду, ибо у нее нет работы, которая позволила бы ей найти пропитание. Хульна умирает с голоду... Ceded Districts переживают четвертую голодовку. Орисса страдает от постоянного голода... Индия истощается с каждым днем. Кровь почти не циркулирует в ее жилах. Если мы не примем мер, она погибнет... Для голодного и бездеятельного народа единственная форма, в которой смеет появиться бог, это Труд и обещание пищи в уплату за него. Бог создал человека, чтобы он зарабатывал хлеб своим трудом, и сказал, что те, кто едят и не работают, — воры... Подумаем о тысячах человеческих существ, которые живут сейчас хуже зверей, которые почти на границе смерти! Прялка — это жизнь для тысяч умирающих. Голод толкает

¹²³) *The Great Sentinel* — заглавие статьи от 13 октября 1921 г.

Индию к прялке!.. Поэт живет для завтрашнего дня и желал бы, чтобы и мы делали то же. Он предлагает нашим восторженным взорам прекрасную картину птиц, поющих с утра хвалебные гимны или пускающихся в полет.

Но эти птицы питаются. Они имеют свою дневную пищу и пускаются в полет с отдохнувшими крыльями, в которых кровь обновилась за ночь. А мне было суждено страдание видеть птиц, которые обессилели настолько, что не имели желания даже слабо шевелить крыльями. Человеческая птица под индийским небом взлетает более ослабевшей, менее сильной, чем когда она давала себе видимость отдыха. Для миллионов существ жизнь есть бесконечное бдение или бесконечная каталепсия... Я счел невозможным усложнить страдания голодных песнями Кабира... Дайте им работу, чтобы они могли есть!.. Но для чего, спросят меня, должен я прятать, если я не нуждаюсь в работе ради пропитания? Потому, что я ем то, что мне не принадлежит. Я живу тем, что граблю моих соотечественников. Проследите за каждой монетой, которая переходит в ваш карман, и вы увидите, что я говорю правду... Нужно прятать! Пусть каждый прядет! Пусть Тагор придет, как остальные! И пусть он сожжет свои иноземные одежды... Сегодня это долг. Бог позаботится о том, что будет завтра. Как сказано в Гите: Соверши справедливое деяние!»

Мрачные и трагические слова! Это — нищета мира, которая встает перед грезой искусства и кричит ей: «Посмей отрицать меня!» Кто не поймет страстного волнения Ганди и не разделит его!

И, однако, в этом ответе, таком горделивом и таком жгучем, есть нечто, что оправдывает известные опасения Тагора: *Siliat poeta*, повелительный призыв к боевой дисциплине. Повиноваться без рассуждений закону *Свадеши*, первым ежедневным обязательством которого для всех является употребление прялки.

В человеческой битве дисциплина, без сомнения, является долгом. Но несчастье в том, что сотрудники учителя, те, кому поручено следить за ее соблюдением, чаще всего — узкие умы: они создают и себе и другим идеал из того, что есть лишь способ достигнуть идеала; правила гипнотизируют их самой своей узостью, ибо они хорошо себя чувствуют лишь на узком пути. Для них *Свадеши* является повелением. Оно принимает священный характер. Один из главных учеников Ганди, преподаватель в школе, наиболее дорогой его сердцу, — Сатьяграхашраме Сабармати в Ахмедабаде, Д. Б. Калелкар, напечатал *Евангелие Свадеши*¹²⁴, в начале которого Ганди поставил свое Одобрение. Эта брошюра предназначена для широких масс. Посмотрим же, каково *Credo*, которое внушается народу одним из тех, кто стоит у источника чистого учения:

«Бог воплощается из века в век для искупления мира... Но вовсе не обязательно, чтобы он неизменно появлялся в человеческом образе... Он

¹²⁴) *The Gospel of Swadeshi*, 1922 г., Мадрас.

может воплотиться также в виде абстрактного принципа или великой идеи, проникающей весь мир... Новый аватар — это Евангелие Свадеши».

Евангелист согласится, что это утверждение может вызвать улыбку, если видеть в Свадеши лишь вопрос о бойкоте иноземных тканей. Но этот вопрос есть лишь маленькое практическое приложение обширного «религиозного принципа, предназначенного освободить весь мир от разногласий, проистекающих из ненависти, и эмансипировать человечество». Сущность его заключена в индуcском Священном Писании. Вот она:

«Твоя личная Дхарма¹²⁵, хотя и лишенная заслуг, есть наилучшая. Осуществление Дхармы, которая не предназначена тебе, всегда полна опасностей. Достигает счастья лишь тот, кто сосредоточивается на своем собственном долге».

Этот основной закон Свадеши опирается на веру в «бога, который раз навсегда позаботился о счастья вселенной. Этот бог дал каждому человеку подходящую среду для выполнения его особой задачи. Все действия человека должны согласоваться с положением, данным ему в жизни... Как и наше рождение, семья, страта, наша культура не может быть избрана нами самими; нам остается лишь принять то, что было нам дано богом; мы должны принимать наши традиции, как данные богом, а наш строжайший долг — к ним приспособляться. Отрицать их — грех».

Из этого символа веры следует, что человеку какой-либо страны не должно быть дела до других стран.

«Поклонник Свадеши никогда не берет на себя напрасного труда пытаться преобразовать мир, ибо он считает, что мир двигался и будет двигаться всегда согласно планам, предначертанным богом... Не следует ожидать, чтобы народ одной страны заботился о нуждах другой страны, даже из филантропических побуждений; даже если бы это было возможно, это было бы нежелательно... Истинный последователь Свадеши не забывает, что каждый человек — его брат, но он должен выполнять задачу, предназначенную ему от рождения... Так же, как нам надлежит служить веку, в который мы родились, мы должны любой ценой служить нашей родной земле... Освобождение нашей души должно совершаться путем нашей собственной религии и собственной культуры».

Позволено ли по крайней мере народу развивать все средства, помогающие ему расти, свою торговлю, свою промышленность? Никоим образом. Недостойное желание — наделить Индию большими фабриками. Это значило бы заставить других людей свершить насилие над своей Дхармой. Преступно также экспортировать произведения своей страны и импортировать чужие. Ибо «прозелитизм отрицается принципом Свадеши». И логическое (хотя и неожиданное для европейца) следствие этого закона — что не следует экспортировать не только свои продукты, но и идеи. Если Индия была жестоко унижена историей, то это — искупление давшего греха

¹²⁵) Религиозная судьба.

предков, которые торговали с Египтом и Римом, греха, повторяемого следующими поколениями без раскаяния. Пусть каждый народ, каждый класс ограничивается сноси собственной задачей, живет своими собственными ресурсами и традициями!

«Будем избегать близости с теми, чьи обычные навыки отличны от наших. Не следует переплетать свою жизнь с жизнью людей и народом, идеал которых не согласуется с нашим... Каждый человек ручей. Каждый народ — река. Они должны течь по своему руслу, прозрачные, не загрязняясь, пока не достигнут моря Спасения, где и сольются все».

Это — торжество национализма. самого чистого. самого узкого. Оставаться у себя. Закрыть все двери. Ничего не менять. Все сохранять. Ничего не продавать за границу. Ничего не покупать. Очищаться. — Средневековое евангелие монахов-затворников¹²⁶. И Ганди со спокойным сердцем дает связать с ним свое имя!

Понятно изумление Тагора при виде этих пророков реакционного национализма, которые хотят остановить ход веков, засадить в клетку полет духа, перерезать все мосты между ними и Западом¹²⁷. В сущности, это не есть та мысль, которую проводил Ганди. Он сам пишет Тагору: «Свадеши — это *благая весть миру*». Значит, он считается с миром и не отвергает «прозелитизма». *«Несотрудничество не направлено против Запада. Оно — против материальной цивилизации и вытекающей из нее эксплуатации слабых»*. Значит, оно борется лишь с заблуждениями Запада и даже работает на благо самого Запада. (*«Это — удаление вглубь самих себя»*, но удаление временное, чтобы собрать свои силы, прежде чем обратить их на служение человечеству.) *«Индия должна учиться жить, прежде чем учиться умирать за человечество...»* И Ганди ни в какой мере не отказывается от сотрудничества с европейцами, при условии, что они будут следовать спасительному идеалу, который он предлагает всем людям.

¹²⁶) Правда, время от времени в нем встречаются удивительные моральные предписания: не мстить! «Что прошло — прошло. Прошное невосвратимо, оно стало частью вечности, и человек не властен над ним. Не думай об отмщении за прежние обиды и оскорбления. Пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов. В живом настоящем будем действовать, руководясь нашим сердцем и богом!» Во всей книге с начала до конца — чистота глетчера.

¹²⁷) Тагор должен был быть тем более чувствителен к статьям, подобным этой, что между Ашрамом Ганди (откуда вышло это Евангелие) и Сантиникетаном Тагора установилось соперничество, которого оба вождя старались избегать. Это видно из одной статьи в *Young India* от 9 февраля 1922 г. В ней Ганди сетует на одного журналиста, который приписал ему отзыв об Ашраме, имеющий характер порицания по адресу Сантиникетана. Он протестует, ссылаясь на свое уважение к дому Тагора, не без некоторого скрытого юмора: «Если бы мне пришлось высказаться о том, который из них лучше! — говорит он, — то, несмотря на дисциплину и раннее вставание с постели в Ашраме, я голосовал бы за Сантиникетан. Он — старший брат, насчитывающий много больше лет и мудрости». Но, прибавляет он лукаво: «пусть обитатели Сантиникетана остерегаются роста маленького Ашрама!».

Эта подлинная мысль Ганди бесконечно более широка, более человечна, более универсальна¹²⁸, чем идея *Евангелия*, опубликованного под его эгидой. Почему же он поставил на нем свое имя? Почему он дал заключить свой грандиозный идеал, открывающийся всему миру, в тесные рамки индийской теократии? Опасные ученики! Они играют тем более роковую роль, чем более чисты сами. Храни бог великого человека от друзей, способных уловить лишь часть его мысли! Делая из нее правило, они разрушают гармонию — главнейшее благодеяние его живой души.

Это еще не все. Те из учеников, которые живут близ своего учителя, сохраняют хоть отблеск его нравственного благородства. Но те, что являются уже учениками учеников, — и другие народы, до которых доходят лишь искаженные отголоски, — что получают они из его учения о внутреннем очищении и творческом отрицании? Лишь самое внешнее, самое материальное: ожидание, как искипителя, *Свараджа (Home Rule)*, который будет достигнут с помощью прялки! Отрицание прогресса: *fuori Barbari!* Тагор не без основания встревожен насильственными выпадами апостолов Непричинения насилия (не исключая самого Ганди) по отношению если не к людям, то к вещам Запада. Правда, Ганди оговаривается, что «он вышел бы из борьбы, если бы почувствовал, борясь, ненависть к англичанам», что нужно любить тех, с кем борешься, что нужно ненавидеть лишь их несправедливость, «*ненавидеть Сатанизм, любя Сатану*». Но это слишком тонкие оттенки для народного ума. Когда на каждом Конгрессе вожди движения страстно напоминают о преступлениях англичан и их вероломстве, об убийствах в Пенджабе и о Хиляфате, гнев накапливается за плотиной, и горе будет, когда она прорвется! Когда Ганди возглавляет сожжение на костре в Бомбее драгоценных тканей в августе 1921 г. и отвечает на отчаянные увещания Эндрьюса, друга Тагора, своей *Этикой Разрушения*¹²⁹, он думает, что «переносит мщение народа с людей на вещи». Но он не замечает, что мщение народа идет, ждет наживы и думает: «Сначала вещи. А потом — люди!» — и не предвидит, что в том же Бомбее, менее чем через четыре месяца, народ будет убивать людей. Он слишком свят, слишком чист, слишком чужд животных страстей, таящихся в человеке. Он не думает о том, что они всегда, и здесь, и слушают и подхватывают слова». Более дальновидный Тагор замечает неосторожность сторонников Несотрудничества, которые по простоте душевной, непрестанно твердя о преступлениях, содеянных Европой, проповедуют непричинение насилия и

¹²⁸) По моему мнению, Ганди такой же универсалист, как Тагор, но только другого типа. Ганди универсалист в силу велений моральной совести, Тагор — по убеждению разума. Ганди не исключает никого из общения в молитве и повседневном труде. Так апостол первых времен не различал эллина и иудея, но предписывал всем одну и ту же моральную дисциплину. Того же хочет и Ганди. Но именно в этом его узость: не в сердце, которое столь же обширно, как и сердце Христа, но по духу умственного аскетизма и отречения (и это тоже от Христа). Ганди — средневековый универсалист. Всемерно его уважая, мы — на стороне Тагора.

¹²⁹) 1 сентября 1921 г.

сами прививают народной мысли яд лихорадки, неизбежно ведущей к насилию. Они искренно не видят этого, апостолы, не чувствующие насилия в своем собственном сердце! Но тот, кто приступает к действию, должен прислушиваться к сердцам других, а не к своему собственному. Народ, берегись! *Cave Canem!* Чтобы держать народ в узде, уже недостаточно будет моральных призывов Ганди. Единственное, что еще может заставить его слепо повиноваться суровой дисциплине вождя, — это согласие последнего стать богом, как этого уже втайне желают те, кто изображает его в виде Шри-Кришны. Но искренность и скромность Ганди не допускают этого.

И вот, остается лишь одинокий голос чистейшего из людей, возвышающийся над ревом людского океана. Сколько времени ему удастся заставить себя слышать? Великое и трагическое ожидание!

IV

Весь 1921 год, когда ход событий ускоряется, полон неопределенности и резких толчков. Сам Ганди не избежал их воздействия.

Возмущение развивалось, и грубые репрессии правительства лишь учащали его ритм. Кровавые бунты разразились в Малагаоне, в округе Назик; возникли беспорядки в Гириди, в Бехаре. В начале мая 1921 г. произошли более серьезные столкновения в Ассаме: двенадцать тысяч кули, бросивших работу на чайных плантациях, покидая их, были атакованы гуркхами, находившимися на службе правительства. Рабочие железных дорог и пароходств в восточной Бенгалии полностью забастовали на два месяца в знак протеста. Ганди старался еще играть роль примирителя; в мае он получает продолжительную аудиенцию у вице-короля, лорда Ридинга; он предлагает свое посредничество в деле братьев Али, которых обвиняли в произнесении речей, содержащих призыв к насилию; он добивается от своих друзей мусульман формального обещания, что они никогда не будут призывать к насилию.

Однако размеры движения от этого не уменьшились, и мусульманские элементы Индии по-прежнему не останавливаются перед самыми смелыми действиями. 8 июля в Карачи Совецание Хиляфата всей Индии подтверждает притязания Ислама, объявляет «недопустимой для мусульман службу в армии или помощь в проведении набора» и угрожает английскому правительству, если оно будет бороться с правительством Ангоры, провозгласить, на заключительной сессии Всеиндийского Конгресса в конце года, Гражданское Неповиновение и Индийскую Республику. 28 июля, собравшись в Бомбее, Комитет Всеиндийского Конгресса, впервые избранный на основе новой конституции, постановляет, что долг каждого — бойкотировать принца Уэльского, который должен был вскоре прибыть, предписывает начать полный бойкот всех иностранных тканей ранее 30 сентября, поощряет и регламентирует отечественное прядение и тканье,

стимулирует борьбу со спиртными напитками, вопреки правительству, защищающему торговцев ими. Но, будучи более осторожным, чем мусульмане Хиляфата, он осуждает беспорядки и не рекомендует в настоящий момент гражданского неповиновения, расширяя в то же время пропаганду неприменения насилия.

В августе разражается дикий бунт Моплахов, продолжающийся несколько месяцев. Ганди, вместе с Маулана Мохаммедом Али, хочет отправиться из Калькутты в Малабар, чтобы внести умиротворение. Правительство этого не разрешает и в сентябре приказывает арестовать Маулана Мохаммеда, его брата Маулана Шауката Али и нескольких видных мусульман за предложения гражданского неповиновения, вынесенные на Совещании Хиляфата. Немедленно Центральный Комитет Хиляфата, в Дели, подтверждает резолюцию Хиляфата, единодушно поддержанную на сотнях митингов. 4 октября Ганди объявляет себя солидарным со своими братьями мусульманами. Вместе с пятьюдесятью выдающимися членами Конгресса он публикует манифест, который требует для каждого гражданина права выражать свое мнение о несотрудничестве, устанавливает, что индусам не подобает служить в качестве гражданских чиновником или солдат правительству, являющемуся виновником нравственного, экономического и политического упадка Индии, и объявляет долгом каждого — отмежеваться от него. Процесс братьев Али слушается в Карачи. Их приговаривают, вместе с другими обвиняемыми, к двум годам строгого тюремного заключения. Индия протестует с возрастающей силой. 4 ноября манифест Ганди одобряется Комитетом Всеиндийского Конгресса в Дели. Комитет делает решительный шаг; он предоставляет каждой провинции, под ее собственную ответственность, осуществлять гражданское неповиновение, вплоть до отказа от платежа налогов. Он ставит условия, он требует, чтобы Неповинующие официально заявили о своем полном присоединении к программе *Свадеш* и Несотрудничества, включая ручное прядение и основное обязательство о Неприменении насилия. Он старается также, под руководством Ганди, примирить восстание с дисциплиной и законом жертвы. Чтобы подчеркнуть последний момент, он предупреждает Неповинующих и их семьи, что они не должны рассчитывать на денежную помощь со стороны Конгресса.

Великое Неповиновение вскоре должно было начаться, когда 17 ноября принц Уэльсский высадился в Бомбее. Приказ о бойкоте был выполнен средними и низшими классами. Богачи, парсы, официальные лица не посчитались с ним. Толпа грубо обошлась с ними, задевая и женщин; возмущение быстро разрослось; некоторые дома были разграблены, были раненые и убитые. Это был единственный взрыв насильственных действий; во всей остальной Индии предписанный Хартал (торжественная забастовка) был проведен как религиозный обряд, мирно и без происшествий. Но Ганди, по его собственным словам, «был поражен, как стрелой». При первом известии о беспорядках он поспешил на место происшествия; бунтовщики

его приветствовали, что только усугубило его стыд. Он резко отчитал толпу и потребовал, чтоб она разошлась.

Он заявил, что парсы имели право чествовать принца, если они этого хотели, и что недостойные акты насилия не имеют никакого оправдания. Толпа замолкла; но в дальнейшем беспорядки вспыхнули снова. Худшие элементы выплыли из низов; возбужденную толпу в двенадцать тысяч человек не так легко сразу образумить. Восстание, однако, не приняло широких размеров; самый незначительный день революции у нас в Европе оставляет бóльшие опустошения. Ганди обратился к гражданам Бомбея и к участникам движения Несотрудничества с полными отчаяния призывами, которые были воспроизведены прессой. Он заявил, что подобные события делают невозможным проведение массового Несотрудничества в настоящую минуту, и временно отменил приказ о нем. Чтобы наказать себя за насилия, допущенные другими, он наложил на себя пятидневный пост¹³⁰. Европейцы, находившиеся в Индии, были встревожены не столько беспорядками в Бомбее, сколько поразительным единодушием безмолвного Хартала на всем протяжении Индии. Они побуждали вице-короля действовать. Ряд насильственных мер, не считавшихся с законом, был принят администрацией провинций; извлекли из-под спуда старый закон 1908 г. против анархистов и тайных обществ; он был применен к добровольцам Конгресса и Хиляфата. Были произведены тысячи арестов. В ответ тысячи новых добровольцев записались в списки. Провинциальные комитеты получили приказ организовать отряды добровольцев и ввести в них единообразную дисциплину. Хартал был назначен на 24 декабря, день посещения принцем Калькутты. И в установленный день, при проезде принца, Калькутта была пустынна.

В эти часы, когда, казалось, назревала Революция, в Ахмедабаде открылся Всеиндийский Национальный Конгресс. Своей волнующей торжественностью он напоминал Генеральные Штаты 1789 г. Председатель его только что был заключен в тюрьму. Прения длились недолго. Конгресс, подтвердив положение о Несотрудничестве, призвал всех граждан записаться в «добровольцы», чтоб подвергнуться аресту, предложил индийскому народу организовать всюду митинги, провозгласил веру в Гражданское неповиновение, равное по силе вооруженному восстанию, но превосходящее его своей человечностью, и посоветовал организовать его, как только масса достаточно усвоит методы Неприменения насилия. Предвидя, что большинство членов Конгресса по окончании сессии будет арестовано, Конгресс передал Ганди все свои полномочия, фактически объявив его диктатором с правом назначить себе преемника; он сделал его единственным хозяином индийской политики, с единственным условием — не изменять национального Credo и не заключать мира с правительством без санкции Комитета Конгресса.

¹³⁰) Пост в течение 24 часов в неделю — обычное явление в жизни Ганди.

Часть собрания внесла резолюцию, предлагавшую приступить к насильственным действиям, чтобы возможно ранее установить полную независимость Индии. Большинство отклонило эту резолюцию, придерживаясь принципов Ганди.

Последующие недели явились выражением религиозного энтузиазма, охватившего Индию. Сорок тысяч мужчин и женщин радостно согласились идти в тюрьму.

За ними поднимались тысячи других, ожидая очереди доказать свою преданность делу. Ганди вновь приготовился бросить лозунг массового Гражданского неповиновения. Сигнал должна была дать избранная местность, где мысль Ганди всегда находила наиболее благоприятную почву, — Бардоли, в провинции Бомбея¹³¹. Ганди сообщил об этом вице-королю опубликованным в печати письмом от 9 февраля 1922 г., которое было вежливым, но вполне определенным объявлением войны. Он объявил себя ответственным вождем движения. Бардоли — первая единица массового восстания в Индии против правительства, грубо покусившегося на свободу слова, собраний и печати. Ганди дает лорду Ридингу семь дней, чтобы изменить свою политику. В противном случае приказ уже дан, — начнется восстание¹³².

Едва это письмо вице-королю было отправлено, как новая, еще более кровавая драма разыгралась в Чаури-Чаура, в округе Горакпур. Полицейские во время шествия атаковали толпу. Когда та, в свою очередь, стала наседать, они открыли огонь и укрылись в Тхане¹³³. Толпа подожгла ее. Тщетно просили осажденные о пощаде: они были избиты и сожжены. Провокация исходила от них: в их убийстве не принимал участия ни один из добровольцев Несотрудничества. Ганди имел поэтому право не принимать на себя ответственности за него. Но он сделался, поистине, Совестью Индии. Преступление хотя бы одного индуса падало на него. Он брал на себя все грехи своего народа. Его отчаяние достигло такой степени, что он тут же вторично приостановил движение, только что им предписанное. На этот раз положение было гораздо более тяжелым, чем после бунта в Бомбее. Он несколько дней назад отослал свой ультиматум вице-королю. Как взять его обратно, не ставя себя в смешное положение? Гордость, «Сатана», как он говорил, запрещала ему это. Это послужило для него лишней причиной поступить именно так.

16 февраля 1922 г. в *Young India* появился один из самых необычайных документов, характеризующих эту личность¹³⁴, его *Mea Culpa*, его

¹³¹) Сто сорок деревень, тридцать семь тысяч жителей.

¹³²) Заметка от того же дня в *Young India* оповестила Индию об этом ультиматуме в еще более энергичной форме. Если вице-король не ответит, приказ будет приведен в действие; Гражданское неповиновение должно провести во что бы то ни стало, даже если теперь большинство выскажется против него.

¹³³) Полицейские казармы.

¹³⁴) *The Crime of Chauri-Chaura*.

всенародная исповедь. Первое слово, которое слышится из глубины его подавленности, — это радостное восхваление бога за то, что он унизил его:

«Бог проявил обильное благоволение ко мне (God hat been abundantly kind to me). В третий раз он предупредил меня, что Индия еще не владеет тем духом Неприменения насилия и Истины, которая только и может оправдать массовое Гражданское неповиновение, единственно достойное называться гражданским, то есть кроткое, смиренное, мудрое, добровольное и притом полное любви, никоим образом не преступное и полное ненависти. Он предупредил меня в первый раз в 1919 г., когда начиналась агитация против Акта Роулетта. Ахмедабад, Вирамгам и Кхеда впали в заблуждение. Амритсар и Казур впали в заблуждение. Я вернулся вспять, я назвал свое заблуждение ошибкой в расчете, громадной, как Гималаи, я унизился перед богом и людьми, я остановил Гражданское неповиновение — не только массовое, но и свое собственное... Во второй раз я был предупрежден событиями в Бомбее. Бог сделал меня их очевидцем... Я остановил массовое неповиновение, которое должно было начаться в Бардоли. Унижение было большое, но оно пошло мне на благо. Я уверен, что народ выиграл от этой остановки: Индия таким образом осталась выразителем Истины и Неприменения насилия. Но самое горькое унижение — это унижение, которое я переживаю сегодня. Бог ясно вещает через события в Чаури-Чаура... В час, когда Индия путем Непричинения насилия готовится взойти на трон свободы, насилие толпы является грустным предзнаменованием... Необходимо, чтобы сторонники Несотрудничества управляли порывами страны. Это будет возможно лишь тогда, когда будут обузданы хулиганы (темные личности) Индии...»

Он поэтому созвал 13 февраля в Бардоли Комитет действия Конгресса и изложил ему свои колебания. Большая часть его товарищей была несогласна с ним. Но, как он сказал, он был «благословен» небом в том, что нашел в них столько снисхождения и уважения. Они поняли его сомнения и согласились, по его настоянию, приостановить Гражданское неповиновение, призвав все организации к созданию атмосферы Неприменения насилия.

«Я знаю, — продолжает Ганди, — что такая политика покажется неособенно мудрой, но это соответствует велениям религии. Страна выиграет от моего унижения и от признания мною моей ошибки. Единственная добродетель, на которую я претендую, — это Истина и Неприменение насилия. Я ни в какой мере не претендую на сверхчеловеческие способности. Я не дорожу этим. У меня то же бренное тело, что и у самого слабого человека, и я так же подвержен заблуждениям. Моя работа имеет много недостатков; но бог до сих пор благословлял ее. несмотря на ее несовершенства... Признание в ошибке выметает ее, как удар метлы... Я чувствую себя сильнее от того, что исповедался, а дело от отсрочки только выиграет. Никогда человек не мог достигнуть своей цели, уклоняясь от прямой дороги... Мне

возражают, что преступление в Чаури-Чаура не имеет ничего общего с намеченными выступлениями в Бардоли. Я не сомневаюсь в этом. Но Бардоли — лишь одна точка. Его усилия могут увенчаться успехом лишь при полной согласованности между ним и другими частями Индии... Зерно мышьяка в горшке молока уже отравляет его... Чаури-Чаура — смертельный яд... А оно не единственное и не изолированное событие. Оно — проявившийся симптом народных насилий в спорадическом состоянии, рассеянных тут и там... Истинное Гражданское неповиновение несовместимо ни с каким возбуждением. Оно — приготовление к безмолвному страданию. Его действие чудесно, хотя незаметно и тихо. Трагедия в Чаури-Чаури — указующий перст на нашем пути. Если мы не хотим, чтобы из Неприменения насилия вышло насилие, мы должны поспешно вернуться обратно, установить атмосферу спокойствия и не помышлять о начале массового Неповиновения, пока не будем уверены в том, что мир будет сохранен во что бы то ни стало... Пусть противник упрекает нас в трусости. Лучше подвергнуться несправедливому осуждению, чем изменись богу...»

И апостол хочет искупить кровь, пролитую другими: «Я должен подвергнуться личному очищению. Я должен быть в состоянии лучше отмечать малейшие изменения моральной атмосферы, окружающей меня¹³⁵. В моих молитвах должно быть больше истины и смирения. Нет ничего более очищающего, чем истинный пост, который позволяет достигнуть более полного выражения себя, господства духа над телом...»

Он всенародно налагает на себя непрерывный пятидневный пост. Пусть никто не подражает ему. Он должен покарать себя один. Он оказался умелым хирургом. Ему необходимо отречься или приобрести более твердый опыт. Его пост есть одновременно покаяние и наказание — для него и для тех насильников в Чаури-Чаура, которые грешили, может быть, с его именем на устах; Ганди желал бы один пострадать за них; но он советует им отдаться в руки правительства и сознаться во всем. Ибо они причинили страшный вред делу, которому хотели послужить.

«Я был бы готов испытать все унижения, все мучения, полный остракизм и даже смерть, чтоб только помешать нашему движению стать насильником или предвестником насилия...»

История человеческой совести насчитывает не много таких высоких страниц. Моральная ценность подобного акта совершенно исключительна. Но в качестве акта политического он не выдерживал никакой критики. Ганди признавал сам, что его могли счесть «политически нелепым и неумным». Опасно, натянув все пружины народа, заставить его замереть от ожидания перед совершением предписанного действия, поднять руку для приказанья и потом, когда гигантская машина уже приведена в действие, три раза ее

¹³⁵) Следует отметить эту фразу, проливающую свет на таинственное могущество души, на которой напечатлеваются переживания родного ей народа.

остановить. Таким образом немудрено испортить механизм и перебить порыв.

Когда Комитет Конгресса собрался в Дели 24 февраля 1922 г., Ганди пришлось преодолеть сильную оппозицию, прежде чем ему удалось провести решения, принятые 13-го в Бардоли. Между адептами Несотрудничества произошел раскол. Прежде чем вновь начать действовать, Ганди хотел осуществить более строгую организацию и предложил свою программу ее структуры. Но многих раздражала эта медлительность: они протестовали против отмены сигнала к восстанию и говорили, что этим угашается пыл страны. Одна из партий внесла вотум недоверия Комитету действия и требовала отмены его приказов. Ганди, однако, одержал верх. Но он глубоко страдал. Он не обольщался и относительно большинства, шедшего за ним. Он чувствовал, что оно неискренно. Не один из тех, кто голосовал за него, за спиной называл его «Диктатором». Он чувствовал в глубине души, что разошелся со своей страной. Он это со своей бесстрашной откровенностью высказывает 2 марта 1922 г.

«Среди большинства имеется столько сознательных или бессознательных скрытых течений насилия, что я молился о сокрушительном поражении. Я всегда был в меньшинстве. В южной Африке я начал с единоголосных решений, я спустился до меньшинства в шестьдесят четыре, даже шестнадцать голосов и вновь поднялся до громадного большинства. Лучшая и наиболее прочная работа была выполнена в пустыне меньшинства... Я боюсь большинства. Мне опротивело поклонение массы, не имеющей своего мнения. Я бы чувствовал более твердую почву под ногами, если бы она оплевала меня... Один из друзей предупредил меня, чтобы я не злоупотреблял своей диктатурой... Я далек от того, чтоб ею злоупотреблять, я спрашиваю себя, не даю ли я «злоупотреблять» собою. Я сознаюсь, что боюсь этого, как никогда доселе. Мое единственное спасение — в моем бесстыдстве. Я предупреждал своих друзей на Конгрессе, что я не исправим. Всякий раз, как народ будет совершать промахи, я буду призывать его к порядку. Единственный тиран в этом мире, которого я признаю, это «тихий неслышный голос» (the still small voice), таящийся внутри нас. И, даже если бы мне предстояло остаться в меньшинстве одиноким, я имел бы мужество быть в этом безнадежном меньшинстве. Это для меня единственная искренняя позиция. Сегодня я стал человеком более грустным и, я думаю, более мудрым. Я нижу, что наше Непричинение насилия — поверхностно. Мы пылаем негодованием. Правительство поддерживает его своими нелепыми действиями. Можно подумать, что оно хочет видеть страну полной убийств, пожаров, грабежей, чтобы иметь право сказать, что оно способно их подавить. Наше Непричинение насилия, мне кажется, происходит от нашего бессилия: мы как будто лелеем в глубине души мечту отомстить, как только нам представится

случай. Разве добровольное Непричинение насилия может возникнуть из этого вынужденного ненасилия, присущего слабым? Не пытаюсь ли я произвести бесполезный опыт?.. И если, когда ярость разразится, никто не останется нетронутым ею, если рука каждую поднимется на своего ближнего, — к чему послужит то, что я буду до смерти поститься после такой катастрофы?.. Если вы неспособны на отказ от насилия, применяйте насилие открыто. Но не надо лицемерия¹³⁶. Большинство утверждает, что принимает Непричинение насилия... Пусть же оно сознает свою ответственность. Оно обязано в таком случае отказаться от Гражданского неповиновения и провести сначала созидательную работу... Иначе мы будем затоплены водами, о глубине которых и не подозреваем...» И, обращаясь к меньшинству, он говорит ему: «Вы не признаете Непричинения насилия? Выходите из Конгресса. Образуйте новую партию. Исповедуйте во всеуслышание ваше Credo! И пусть страна выбирает между нами. Но не надо никакой двойственности. Будьте искренни...»

Эти сильные слова полны горькой, но мужественной печали. Это была ночь в Гефсиманском саду. Ганди ожидал ареста... Кто знает, не ожидал ли он его в глубине души как освобождения?..

Он готовился к этому уже давно. С 10 ноября 1920 г. он принял все меры на этот случай. Он дал свои инструкции народу на тот день, когда его не будет (*If I am arrested*). Он вернулся к этому вновь в статье от 9 марта 1922 г., когда распространился слух об его аресте. Ему не страшно, говорит он, насилия правительства. Он боится одного — насилия народа. Это было для него бесчестьем. «Пусть народ считает день моего ареста — днем радости. Правительство думает, что, стоит ему арестовать Ганди, и будет покончено с Индией. Докажите ему обратное. Дайте ему случай оценить силу народа». Высшая честь, какую может ему оказать народ, — это соблюдать полнейшее спокойствие. Ганди считал бы для себя унижением мысль, что правительство медлит с его арестом, опасаясь кровавого восстания. Пусть же народ остается спокойным, — пусть он не приостанавливает своей работы, не устраивает митингов. Но пусть закроются суды, пусть будут покинуты правительственные учреждения, пусть опустеют казенные школы, пусть осуществится полностью, в порядке и дисциплине, программа Отказа от сотрудничества. Если народ будет действовать так, он победит. Если нет, — он будет раздавлен.

Когда все было подготовлено, Ганди отправился в дорогой ему приют, Ашрам Сабармати близ Ахмедабада, чтобы сосредоточенно ожидать там, среди любимых учеников, прихода тех, кто должен был его арестовать. Он

¹³⁶) Для Ганди стало ясно, что часть его большинства, стоявшая за Непричинение насилия, видит в этом втайне лишь политический маневр, маскировавший приготвлении к насильственным действиям. «Они умильно обещали, — говорит Ганди, наносить удары без насилия». Он понял, наконец, двусмысленность положения, уже давно ясную Тагору, и пришел от нее в ужас. Теперь он ее осуждает резче, чем Тагор, и ополчается против нее.

стремился к тюрьме. В его отсутствие вера Индии должна была проявиться более явственно. «А он найдет покой, может быть, им заслуженный...»¹³⁷

Вечером 10 марта, вскоре после молитвы, явились полицейские. В Ашраме были предупреждены об этом. Махатма отдался в их руки. На пути в тюрьму он встретил Маулана Хазрата Мохани, своего магометанского друга, который прибежал издалека и едва поспел еще обнять его. Он был отведен в камеру вместе с издателем *Young India* Банкером. Его жена получила разрешение сопровождать его до порога.

В субботу 18 марта в полдень начался «великий процесс»¹³⁸ у окружного судьи в Ахмедабаде. Он отличался редким благородством. Судья и обвиняемый соперничали в рыцарском отношении друг к другу. Никогда еще Англия не возвышалась в борьбе до столь великодушного беспристрастия. Судья, Ч. Н. Брумсфильд, искупил в этот день немало грехов правительства. Отчет о процессе, опубликованный друзьями Ганди, был частично воспроизведен в европейской печати, и отголоски его достигли Франции. Я вкратце наложу его здесь.

Почему правительство решилось арестовать Ганди? После того как оно два года не решалось это сделать, как могло оно выбрать для осуществления ареста тот момент, когда Махатма только что остановил возмущение своего народа и казался единственной преградой против насильственных действий? Было ли это недомыслие? Или оно хотело подтвердить ужасные слова Ганди: «Похоже, что правительство хочет видеть страну полной убийств, пожаров и мятежей, чтобы иметь предлог для их подавления». Действительно, положение было трудное. Правительство боялось Ганди и уважало его. Оно готово было бы его пощадить, но Ганди его не щадил. Махатма осуждал насилие; но его ненасилие было революционнее всякого насилия. В те самые дни, когда он противился массовому Гражданскому неповиновению, накануне конгресса в Дели, 23 февраля, он опубликовал одну из своих наиболее угрожающих для британского могущества статей. Именно в это время Индии нанесла пощечину дерзкая телеграмма лорда Биркенхеда и М. Монтэгу¹³⁹. Ганди, в порыве негодования, принял оскорбительный вызов:

«Никаких компромиссов с Империей, пока британский лев будет потрясать у нас перед глазами своими окровавленными когтями... Британское могущество, построенное на организованной эксплуатации физически слабых народов и на выставлении напоказ своей грубой силы, не может длиться долее, если есть справедливый бог, управляющий миром. Давно пора британскому народу отдать себе отчет, что борьба,

¹³⁷) 9 марта 1922 г.

¹³⁸) *The Great Trial*, 23 марта 1922 г., *Young India*.

¹³⁹) «Если существование нашей империи будет поставлено на карту, если кто-либо вздумает помешать британскому правительству выполнять свои обязанности по отношению к Индии, если кто-либо вообразит, что мы думаем уйти из Индии, — Индия должна помнить, что бесполезно сопротивляться самому решительному в мире народу, который сумеет ответить со всей необходимой силой».

начатая в 1920 г., есть борьба до конца, будет ли она длиться месяц, год, месяцы или годы... Я молю бога дать Индии достаточное смирение и силы, чтобы она осталась чуждой насилию до конца. Но подчиниться этим наглым вызовам — невозможно»...

Именно на этой статье и на двух других, более поздних¹⁴⁰, основывалось обвинение. Ганди вменялось в вину, «что он вызвал неприязнь, возбудил ненависть и презрение к правительству Его Величества, установленному законом». У него не было защитника. Он признал себя виновным по всем пунктам.

Заместитель прокурора, сэр Дж. Странгман, из Бомбея, настаивал на том, что три пункта, поддерживаемых обвинением, не стоят изолированно и тесно связаны с кампанией, которая два года ведется против правительства, и доказал это документально. Он признавал высокие качества Ганди. Зло, которое могло быть причинено подобными статьями, становилось от этого лишь серьезнее. Он приписывал Ганди кровавые события в Бомбее и Чаури-Чаура. Без сомнения, Ганди проповедовал Непричинение насилия, но в то же время и неприязнь. Он был поэтому виновен в насилиях, причиненных народом.

Ганди попросил слова. Его внутренняя борьба, страх и сомнения последних недель относительно правильности решений, которые он должен был принять, и возможного отражения их в сознании его народа — прекратились. Он вновь обрел безмятежное самообладание. Он принимал все, что случилось, все, что еще должно было случиться, как необходимость, о которой он мог сожалеть, но которую должен был перенести. Прежде всего он заявил, что согласен с обвинителем. Да, он был виновен. Виновен полностью. Он проповедовал неприязнь еще даже гораздо ранее, чем это говорится в обвинении. Это было у него страстью. Он принимал на себя всю вину за беспорядки в Мадрасе, за «дьявольское преступление» в Чаури-Чаура и «бессмысленные опустошения» в Бомбее...

«Обвинитель прав, говоря, что как человек ответственный, получивший хорошее образование, имеющий большой опыт в делах этого мира, я должен был бы понимать последствия моих действий. Я знал, что играю с огнем. Я рисковал этим; и если бы меня освободили, я бы опять поступил так же. Я долго думал об этом все эти ночи. Сегодня утром я почувствовал, что не исполнил бы своего долга, если бы не сказал того, что говорю сейчас. Я старался и стараюсь набежать насилия. Непричинение насилия — первый и последний пункт моего символа веры. Но мне приходилось выбирать: или подчиниться политической системе, которая, я считаю, причинила непоправимый вред моей стране, — или

¹⁴⁰) От 19 сентября и 15 декабря 1921 г. Первая — по поводу обвинения, возбужденного против братьев Али; вторая — в ответ на вызывающую речь лорда Ридинга. В них содержится то же объявление «войны до конца»: «Мы хотим опрокинуть правительство, принудить его подчиняться воле народа. Мы не просим пощады, мы не ожидаем ее»...

рисковать, что прорвется бессмысленная ярость моего народа, когда он услышит истину из моих уст. Я знаю, что мой народ становится иногда безумным. Я глубоко скорблю об этом; вот почему я здесь и согласен подчиниться не самой легкой, а самой суровой каре. Я не прошу снисхождения и не выдвигаю никаких смягчающих обстоятельств. Я здесь, чтобы просить и принять радостно самое тяжелое наказание за то, что, согласно закону, есть заранее обдуманное преступление, но является для меня первым долгом гражданина. Судьи, у вас нет выбора: подавайте в отставку или осудите меня...»

После этой, полной силы импровизации, где великолепно сочетались сомнения религиозной совести и героическая твердость политического вождя, Ганди прочел письменное заявление, обращенное к общественности Индии и Англии. Он считает себя обязанным, говорит он, сообщить им, «почему из лояльного человека и ревностного сторонника британского режима» он стал «неприятным и непримиримым проповедником Отказа от сотрудничества». Он восстанавливает картину своей общественной деятельности с 1893 г. Он напоминает все, что должен был выстрадать, как индус, от британской системы, свои двадцатипятилетние усилия ее улучшить, в упорной надежде, что это будет возможно без отделения Индии от Империи. До 1919 г., несмотря на все разочарования, он защищал сотрудничество с Англией. Но оскорбления и злодейства превзошли меру.

И правительство, вместо того, чтобы их исправить, бросило последний вызов Индии, почтив, наградив и обеспечив пенсией виновных. Правительство само порвало связь со своими подданными. Теперь Ганди пришел к заключению, что даже реформы, предложенные Англией, будут смертельны для Индии.

Правительство опирается на эксплуатацию масс. Закон создан для поощрения этой эксплуатации. Администрация, осуществляющая закон, продается аксплоататору. Тонкая и действенная система терроризма развратила народ, научила его притворству. Индия разорена, голодна, унижена; и это дало иным право сказать, что нужны были, века, чтобы она могла самоуправляться на положении Доминиона. Ни одна из властей, в прошлом угнетавших Индию, не причинила ей столько зла, как Англия. Несотрудничество с преступлением есть долг. Ганди выполнил его. Но в то время как до сих пор крайним прибежищем было насилие, он дал своему народу высшее оружие — Неприменение насилия.

Здесь начинается рыцарский поединок между судьей Брумсфильдом и Махатмой:

«Господин Ганди, признав факты, вы до известной степени облегчили мою задачу. Но определение справедливой меры наказания — одна из самых трудных задач, стоящих перед судьей... Невозможно делать вид, будто вам неизвестно, что вы в глазах миллионов людей — великий вождь и великий патриот. Даже те, кто не разделяет ваших политических взглядов, считают вас человеком высоких идеалов, благородной, даже святой жизни...

Но мой долг судить вас лишь как человека, подчиненного закону. Вероятно, найдется мало людей в Индии, которые искренно не сожалели бы, что вы сделали невозможным для правительства оставить вас на свободе. Но это так... Я стараюсь согласовать то, на что вы имеете право, с общественными интересами...»

Он предупредительно советуется с самим обвиняемым относительно наказания, к которому тот должен быть приговорен. Он предлагает ему, например, приговор, произнесенный двенадцать лет назад против Тилака: шесть лет тюремного заключения... «Не сочтете ли вы это чрезмерным?.. Если по ходу событий возможно будет сократить этот срок, я более, чем кто-либо, буду считать себя счастливым...»

Ганди не уступает ему в вежливости. Он полагает для себя самой высокой честью, что его имя будет поставлено рядом с именем Тилака. Приговор этот — наиболее легкий, какой мог дать ему судья, и он не мог рассчитывать на более предупредительное отношение во время процесса¹⁴¹.

Процесс был закончен. Друзья Ганди упали к его ногам рыдая. Махатма с улыбкой простился с ними. И дверь тюрьмы Сабармати закрылась за ним¹⁴².

Ганди был оставлен в тюрьме Сабармати, где он находился в хороших условиях. Его перевели в место, державшееся в секрете, затем в Иеравду близ Пуны. Статья Н. С. Гардикера *Ганди в тюрьме* (Unity, 18 мая 1922 г.) утверждает, что он был подвергнут одиночному заключению и уголовному режиму, без всяких послаблений, и что его слабое здоровье от этого пострадало. Но мы знаем, что в настоящее время режим стал более гуманным. Ганди разрешено читать и писать.

По словам С. Ф. Эндрьюса, Махатма счастлив в тюрьме; он просил своих друзей не навещать его и уважать его одиночество; он совершает очищения, молится и убежден, что его деятельность становится более полезной для дела Индии. Действительно, С. Ф. Эндрьюс утверждает, что партия гандистов значительно выиграла от заключения ее вождя в тюрьму. Индия верит в Ганди с большим энтузиазмом, чем когда-либо; она упорствует в своем представлении о нем как об одном из воплощений Шри-Кришны, который, согласно легенде, победно проходит через испытания тюрьмы. Ганди в тюрьме гораздо надежнее, чем Ганди на свободе, препятствует взрыву насилия, опасность которого он чувствовал.

¹⁴¹) Издатель Банкер, который во время процесса благоговейно следовал примеру Махатмы и присоединялся во всем к его словам, был приговорен к году тюрьмы и денежному штрафу.

¹⁴²) М-м Кастурибай Ганди сообщила о приговоре мужчинам и женщинам Индии в полном достоинства послании, предлагая им сосредоточиться в тишине на созидательной программе Ганди.

V

С тех пор великий голос апостола смолк. Тело его замуровано как в могиле. Но никогда могила не могла держать в заключении мысль. Его дух продолжает невидимо оживлять громадное тело Индии. Мир, Непричинение насилия и страдание — единственная весть, пришедшая из тюрьмы¹⁴³. Она была услышана. Лозунг распространился из конца в конец по стране. Случись это на три года ранее, арест Ганди повлек бы кровавые события в Индии. Когда распространился слух об этом в марте 1919 г., народ готов был восстать. Приговор же в Ахмедабаде был принят Индией с благочестивым молчанием. Миллионы, индусов шли в тюрьму со спокойной радостью. *Непричинение насилия и страдание...* Необычайный пример показал, до каких глубин народной души проникло божественное слово.

Сикхи, как известно, всегда были одним из самых воинственных племен Индии, во время великой войны они массами шли на военную службу. В предыдущем году между ними возникли серьезные раздоры. Повод к ним (с нашей европейской точки зрения) был совершению незначительный. Религиозное возрождение среди Сикхов вызвало к жизни секту Акали, которые пожелали очистить святилища. Эти святилища стали достоянием подозрительных сторожей, которые отказались их покинуть. Правительство, на основании соображений закона, стало на их сторону. Тогда, в августе 1922 г., началось ежедневное мученичество в Гуру-Ка-Баг¹⁴⁴. Акали приняли учение о Неприменении сопротивления. Тысяча человек из них расположилась близ святилища, четыре тысячи в Золотом Храме в Амритсаре. Каждый день сто добровольцев (по большей части призывного возраста, — многие из них участвовали в последней войне) выходили из Золотого Храма, дав обет не применять насилия» ни делом ни словом и достичь Гуру-Ка-Баг или быть принесенными назад без сознания. Из другой группы в тысячу человек двадцать пять Акали давали тот же обет. Неподалеку от святилища британская полиция ожидала их на мосту с длинными палками, снабжёнными железными наконечниками. И ежедневно разыгрывалась кошмарная сцена, незабываемое описание которой дает нам Эндрьюс¹⁴⁵, друг Тагора и преподаватель в Сантиникетане. Акали, в черных тюрбанах, увитых маленькими венками из белых цветов, появляются на расстоянии одного метра, в безмолвной неподвижной молитве. Полицейские изо всей силы бьют их своими длинными палками. Сикхи падают на землю, если могут, поднимаются снова, их опять бьют, иногда топчут ногами, пока они не потеряют сознания. Эндрьюс не слышит ни одного крика, не замечает

¹⁴³) Журнал *Unity* опубликовал (3 августа 1922 г.) письмо из тюрьмы, направленное против современной цивилизации, которое я считаю апокрифическим. По-моему это — компиляция из старых статей, напечатанных в *Hind Swaraj*.

¹⁴⁴) *The Akali Struggle*, появившаяся в *Sisaradiya* в Мадрасе и напечатанная отдельным изданием с датой 12 сентября 1922 г.

¹⁴⁵) *Curu-Ka-Bagh* — Сад святилища (*Gudwara*), в десяти милях от Амритсара.

ни одного вызывающего взгляда. Кругом, на некотором расстоянии сотня зрителей, с напряженными от волнения лицами, безмолвно молятся, полные благоговения и страдания.

«При виде их, — говорит Эндрьюс, — приходила мне на память тень Креста». Англичане, рассказывавшие об этой сцене в своих газетах¹⁴⁶, изумляются, отказываются понимать, с сожалением констатируют, что такая нелепая жертва является блистательной победой армии Несотрудничества и что жители Пенджаба ослеплены. Но благородный Эндрьюс, чистый идеализм которого помог разгадать душу Индии, увидел в этом, как Гете в Вальми, начало новой эры: *«Новый героизм, испытанный страданием, взошел на этой земле; новая борьба Духа...»*

Народ, по-видимому, лучше сумел понять мысль Махатмы, чем те, кому было поручено им руководить. Мы видели, какие оппозиционные настроения проявились в Комитете Конгресса в Дели, за двадцать дней до ареста Учителя. Они проявились снова, когда Комитет Конгресса собрался в Лукнове 7 июля 1922 г. Тактика терпеливого созидания и ожидания, предложенная Ганди, вызвала резкое недовольство; укреплялось стремление перейти к Гражданскому неповиновению. Была избрана специальная комиссия, чтобы выяснить, достаточно ли страна подготовлена к Гражданскому неповиновению. Она объехала всю Индию; и ответ ее, представленный осенью, оказался неутешительным: она не только пришла к заключению о невозможности Неповиновения в данный момент, но половина ее членов (людей испытанной веры) стояла даже за отказ от гандистских методов Несотрудничества, от бойкота политических должностей и за образование партии *Swaraj* (Самоуправление) внутри Правительственных Советов, иными словами, за то, чтобы Несотрудничество фактически превратилось в парламентскую оппозицию¹⁴⁷.

Таким образом учение Ганди было подорвано, с одной стороны, приверженцами насилия, с другой — умеренными.

Но Индия запротестовала. Индийский Национальный Конгресс на своем годовом собрании в конце декабря 1922 г. в Гайе вновь энергично подтвердил свою верность преследуемому учителю и веру и учение о Несотрудничестве. 1740 голосами против 890 он отверг предложение об участии в законодательных советах¹⁴⁸. В конце концов Конгресс единогласно высказался за продолжение политической стачки, с незначительными изменениями способов ее проведения. Был отклонен лишь проект бойкота

¹⁴⁶) Ср. *Manchester Guardian Weekly*. 13 октября 1922 г.

¹⁴⁷) Ладжпат Рай указал мне, что никто из членов Конгресса в Лукнове не верил в насилие. Все сохраняли веру в созидательную программу Ганди; но они хотели уничтожить Советы и Собрание, приносящие большой вред стране. Будучи побеждены в Гайе, они образовали отдельную партию *Swaraj* внутри Конгресса 2 июня 1923 г. У них не было расхождений с Ганди относительно его созидательной программы, и они были с ним несогласны лишь в вопросе о вхождении в Советы.

¹⁴⁸) Что касается до революционных элементов, сторонников насилия, то они были в Гайе немногочисленны и играли лишь второстепенную роль.

всех английских товаров. Как всегда более смелое, мусульманское Совецание Хиялфата приняло постановление о бойкоте значительным большинством голосов.

На этом месте мы должны прервать наш рассказ о великом гандистском движении. Несмотря на некоторые неизбежные колебания в отсутствие учителя и его лучших учеников, его помощников (особенно братьев Али), заключенных, как и он, оно победоносно выдержало тяжелое испытание первого года, оставшись без вождя. Выраженное английской прессой разочарование после Конгресса в Гайе является показателем значительности одержанной победы¹⁴⁹.

¹⁴⁹) Статья Бланш Ватсон (*Unity*, 16 ноября 1922 г.) перечисляет «преимущества, полученные Индией от борьбы путем сопротивления без насилия». Она уверяет, что внутренние доходы Индии упали примерно на семьдесят пять миллионов долларов и что бойкот английских тканей нанес Англии убыток до двадцати миллионов долларов за один год. Она оценивает в тридцать тысяч число индусов, которые в это время были заключены в тюрьму, и говорит, что административный механизм правительства пришел в полное расстройство. Но Бланш Ватсон, горячая поклонница Гандизма, несомненно имеет бессознательную тенденцию преувеличивать его успех. Другие свидетельства описывают его менее удовлетворительно. Они утверждают, что движение самопожертвования наталкивается на эгоизм обеспеченных торговых классов и что часто уход в отставку, происшедший под влиянием минуты, был затем взят обратно. Было бы, разумеется, противно человеческой природе, если бы случилось обратное. Во всякой революции многие остаются позади или возвращаются вспять. Вопрос в том, сохраняется ли течение в глубоких слоях? Вот свидетельство, в вескости и беспристрастности которого невозможно сомневаться:

Manchester Guardian, известный своим просвещенным либерализмом, но представляющий могущественные интересы, которым непосредственно угрожало Гандистское движение, недавно предпринял детальное обследование по всей Индии. Результаты его были опубликованы в ряде статей. Несмотря на проявляющееся в них вполне естественное отсутствие симпатии к индийскому движению и на предвзятое желание недооценить его, в каждой статье сквозит все большая тревога и сознание серьезности положения для Англии. Я резюмирую заключительную статью от 16 февраля 1923 г. (*Manchester Guardian Weekly*). Автор хочет убедить себя, что тактика гандистов потерпела крупную неудачу и что Отказ от сотрудничества должен перестраиваться на новых началах. «Но, — добавляет он, — дух Отказа от сотрудничества остается. Всюду мы видим если не чистый Гандизм, то недоверие к чужеземному управлению и горячее желание от него освободиться. Культурные классы и горожане пропитаны этим настроением. *Puom* (крестьянин) пока затронут им лишь поверхностно; но условия в деревнях таковы, что и он будет им завоеван. Армии это движение еще не коснулось, но она пополняется населением деревень и рано или поздно последует за движением. Часто именно у лучших, у умеренных, дух Несотрудничества выражен особенно сильно. Умеренные питают отвращение к революционным методам; но это отвращение не разделяется страной. Страна сочувствует бесстрашию сторонников Несотрудничества больше, чем осторожности «умеренных». — Английский наблюдатель оценивает в какой-нибудь десяток лет время, необходимое для организации индийских крестьян, чтобы вызвать отказ от платежа налогов и восстание. Положение будет непрестанно ухудшаться; удержать индусов страхом тюрьмы уже невозможно: этого страха у них нет; нужно будет прибегать к более суровым мерам принуждения, а они лишь увеличат ненависть. «Если еще возможно мирное решение, то только одно»: необходимо, чтобы

Что будет в дальнейшем? Может быть Англия, наученная прошлыми ошибками, лучше сумеет обуздать порыв этого народа? Может быть и народ устанет бороться? Народы обладают короткой памятью; я сомневаюсь, чтобы память населения Индии долго сохранила поучения Махатмы, если бы они не были с давних времен начертаны в сокровенных глубинах народа. Ибо если гений велик сам по себе, одним своим величием, независимо от того, согласуется оно или нет с окружающими его, — то гением действия может быть лишь тот, кто отвечает инстинктам своего народа, запросам своего времени, ожиданиям мира.

Таков Махатма Ганди. Его принцип *Ахимсы* (Неприменение насилия) был запечатлен в сердце Индии уже две тысячи лет: Махавира, Будда и культ Вишну сделали его самой сущностью миллионов душ. Ганди лишь перелил в него свою героическую кровь. Он вызывает исполинские тени, застывшие и уснувшие в смертельной летаргии. Они поднялись на его зов, ибо они узнают себя в нем. Он уже более, чем слово, — он пример. Он воплотил их. Счастлив человек, которому дано быть народом, тот, в ком воскресает его погребенный народ.

Но такие воскрешения никогда не бывают случайными. И, если дух Индии поднимается из своих лесов и храмов, это потому, что он несет миру predetermined ответ, которого мир ожидает.

Ответ, в самом деле, имеет значение далеко не для одной только Индии. Одна лишь Индия могла его дать. Но он освящает как ее величие, так и ее жертву. Этот ответ может стать ее крестом.

Повидимому, для обновления мира необходимо, чтобы какой-либо народ приносил себя в жертву. Евреи были принесены в жертву их Мессии, которого они ждали, питали своими надеждами в течение веков и не узнали,

Англия взяла на себя инициативу проведения реформ в Индии. Уже не полуреформ, как те, которые были проведены в 1919 г. и которые пытались применять в течение какого-нибудь года. Их уже недостаточно, а время не ждет. Пусть Англия созывает Индийское Национальное Собрание, где были бы представлены все интересы Индии, все оттенки мысли: Ганди и его ученики, как и индийские принцы и европейские капиталисты, мусульмане, индусы, парсы, евразийцы, христиане, парии. Пусть это Собрание составит Конституцию Индии, автономной в недрах Империи, и наметит этапы осуществления Гомруля. Таким и только таким путем можно будет предотвратить распад Империи.

Я не знаю, в какой мере правительство Индии и английская бюрократия могли бы принять подобный проект, который редакция *Manchester Guardian*, вместе со своим корреспондентом, поддерживает весьма энергично. Мне трудно поверить, чтобы Ганди и сторонники Несотрудничества согласились работать в одном Собрании с индийскими и европейскими капиталистами. Но одно несомненно — что об индийском *Home Rule* уже не приходится спорить. Так или иначе, он неизбежен. И нет ничего более выразительного, чем перемена тона Англии по отношению к индусам со времени начала деятельности Ганди. Европейское презрение к индусам исчезло. К ним стараются относиться со вниманием, и все единодушно осуждают те бестактные насильственные меры, которые до сих пор были последним, а нередко и первым прибежищем властей. Морально Индия победила.

когда он, наконец, расцвел на кровавом кресте. Индусы были более счастливы: они узнали своего Мессию. И радостно идут они навстречу жертве, которая должна их освободить.

Но, как и первые христиане, не все понимают истинный смысл этого освобождения. Христиане долго ждали на своей земле *adventiat regnum tuum*. Надежды большей части индусов не простираются далее царства *Сварадж в Индии*. И я думаю, что этот политический идеал вскоре будет достигнут. Европа, обескровленная войнами и революциями, обедневшая и усталая, лишенная своего престижа в глазах Азии, которую она угнетала, уже недолго будет в состоянии противостоять на азиатской почве пробужденным народам Ислама, Индии, Китая и Японии.

Но несколько лишних народов — это было бы немного, как бы ни были звучны новые аккорды, которыми они могут обогатить симфонию человечества; это было бы немного, если бы эти силы Азии не явились проводниками новых стимулов жизни, смерти и (что самое важное) действия ради всего человечества, если бы они не несли истощенной Европе новой живой воды.

По всему миру проносится ветер насилия. В этой грозе, сжигающей жатву нашей цивилизации, нет ничего неожиданного. Столетия грубой национальной гордости, возбужденной идолопоклоннической идеологией Революции, распространяемой слепой подражательностью демократий, и венчающей век бесчеловечного индустриализма и алчной плутократии, поработавшая власть машины, экономический материализм, в котором, задыхаясь, умирает душа, — все это роковым образом должно было привести к беспорядочным схваткам, в которых гибнут сокровища Запада. Недостаточно сказать, что это необходимость. Это — *Diké*. Каждый из народов душил другой во имя одних и тех же принципов, прикрывающих одни и те же интересы и инстинкты Каина. Все — националисты, фашисты, большевики, угнетенные народы и классы, народы и классы-угнетатели, — все требуют для себя, отказывая в нем другим, права на насилие, кажущегося им Правом. Полвека назад Сила стояла выше Права. Сегодня еще хуже — Сила *есть* Право. Она его пожрала. В этом старом, готовом рухнуть мире — никакого прибежища, никакой надежды. Никакого великого света. Церковь дает успокоительные добродетельные советы, мудро заботясь о том, чтобы не ссориться с властью имущими; вообще она лишь советует, но не подает примера. Пресные пацифисты тягуче блеют, и чувствуется, что они колеблются; они говорят о вере, не будучи сами уверены, что обладают ею. Кто докажет им эту веру? И как это сделать в мире, который ее отрицает? Как доказывается всякая вера? — Действием.

Вот в чем состоит Весть миру, как называет ее Ганди, весть Индии: «Пожертвуем собою».

И Тагор повторяет ее полными очарования словами¹⁵⁰, ибо в этом горделивом принципе и Тагор и Ганди — едины:

¹⁵⁰) Письмо от 2 марта 1921 г., напечатано в *Modern Review* в мае 1921 г.

«...Я надеюсь, что этот дух жертвы, эта готовность к страданию, будет расти и крепнуть... Это истинная свобода... Нет более высокой ценности ни в чем, не исключая и национальной независимости... Запад обладает несокрушимой верой в свою силу и в материальное богатство: поэтому он будет тщетно кричать о мире и разоружении, его хищность будет рычать еще громче. Он подобен рыбе, которая тяготилась бы давлением воды и захотела бы летать: прекрасная идея, но для рыбы совершенно неосуществимая. Нам в Индии предстоит показать миру ту истину, которая не только делает возможным разоружение, но превращает его в силу. Тот факт, что моральная сила является более мощной, чем сила физическая, будет доказан народом, не имеющим оружия. Эволюция Жизни показывает, что она постепенно сбрасывала тяжелый груз вооружения и чудовищную громаду плоти до того дня, когда человек стал победителем грубого материального мира. Придет день, когда хрупкий человек духа, совершенно лишенный вооружения, докажет, что кроткие наследуют землю. Вполне логично поэтому, что Махатма Ганди, хилый телом и лишенный всяких материальных ресурсов, вызывает к жизни колоссальную силу кротких и смиренных; скрытая в сердце оскорбленного и обездоленного населения Индия ждет своего часа. Судьбы Индии избрали в союзники Нарайяну, а не Нарайяни-Сену — силу духа, а не силу мускулов. Она должна вознести человеческую историю из тинистого болота материальных схваток до вершин битв Духа... Хотя мы можем соблазниться фразами, перенятыми с Запада, Сварадж (Гомруль) не является нашей целью. Наш бой — битва — духовный бой. Это бой за Человека. Мы должны освободить человека от сетей, которые он сплел вокруг себя, от организаций национального Эгоизма. Нам нужно убедить бабочку в том, что небесная свобода дороже убежища в коконе... В нашем языке нет слова, означающего «Нация». Когда мы заимствуем его из других языков, оно не подходит нам, ибо мы должны войти в союз с Нарайяной, Верховным существом, и наша победа не дает нам ничего иного, как только победу ради царства божия... Если мы сможем противостоять сильным, богатым, вооруженным, открыв миру мощь бессмертного духа, замок гиганта-Плоти обрушится в пустоту. И тогда человек обретет истинный Сварадж. Мы, нищие оборванцы Востока, завоюем свободу для всего Человечества...»

О Тагор, Ганди, реки Индии, вы, что, подобно Инду и Гангу, охватываете в двойном объятии Восток а Запад, — один — трагедия героического действия, другой — безбрежная мечта света, — вы, излучающие бога, засеете его семенами мир, избороденный плугом насилия.

«Наша борьба, — объявляет Ганди, — имеет целью дружбу со всем миром... Неприменение насилия пришло к людям; и оно остается. Оно — Провозвестник мира на земле...»

«До мира на земле — далеко. Мы не тешим себя иллюзиями. Мы видели в течение полувека достаточно лжи, трусости, жестокости человеческого рода. Но это не мешает любить его. Ибо среди самых низких есть все же *nescio quid Dei...* Мы не забываем о роковых материальных силах, тяготеющих над Европой XX столетия и сжигающих ее, о подавляющем детерминизме экономических условий, о столетиях омертвляющих страстей и заблуждений, которые создали вокруг душ нашего времени твердую оболочку, не пропускающую света. Но нам ведомы также чудеса духа. Изучая историю, мы видели, как его молнии прорезывали небо, еще более мрачное, чем наше. Живя краткий час, мы слышим в Индии барабан Шивы, пляшущего Владыки, *который закрывает свой пожирающий взор и умеряет свой шаг, чтоб спасти вселенную от возврата в бездну...*»¹⁵¹

«Реальные политики насилия (революционного или реакционного) издеваются над этой верой; и тем самым проявляют свое невежество в области более глубоких реальностей. Пусть издеваются. У меня есть эта вера. Я вижу, как ее преследуют и осмеивают в Европе; и в моей собственной стране вас всего горсточка... (Да наберется ли горсточка?) Но если даже я буду верить один — не все ли равно? Вере свойственно, отнюдь не отрицая враждебности мира, видеть ее и верить вопреки ей: это еще лучше. Ибо вера есть борьба. И наш отказ от Насилия — самая суровая борьба. Путь мира — не путь слабости. Мы даже более враждебны слабости, чем насилию. Без силы нет ничего: ни зла ни добра. И лучше полное зло, чем выхолощенное добро, хныкающий пацифизм смертелен для мира: это лишь трусость и недостаток веры. Пусть же неверящие или те, кто не верит и боится, уйдут с дороги. Путь мира — это жертва собой».

Это учение Ганди¹⁵². Ему недостает лишь Креста. Всякий знает, что если бы не евреи, мир отказал бы в нем Христу. А Британская Империя стоит Римской Империи. Но толчок дан. Душа народов Востока потрясена им до самых глубин; и трепет ее передается всей земле.

Великие религиозные явления на Востоке обладают своим ритмом. Одно из двух: или дело Ганди победит или оно явится вновь, — как являлись в прошлые века Мессия и Будда, — пока не воплотится вполне в Смертном полубоге принцип Жизни, который поведет к новой эре новое человечество.

Февраль 1923.

¹⁵¹) Отрывок из самого древнего обращения к Шиве в драме *Мудра-Ракшарса* Вишахадатты.

¹⁵²) Таково же и учение *Conscientious Objectors*, которые из Англии распространились по всем странам Европы.

[*Conscientious Objectors* — люди, отказывающиеся от военной службы по моральным убеждениям].

ГАНДИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Послесловие к 31-му изданию

Первое издание этой книги появилось три месяца тому назад.

С тех пор три новых факта, не изменив общей картины, подчеркнули ее основные моменты.

Индийская партия *свараджистов*, образованная наиболее выдающимся политическим вождем Индии и другом Ганди К. Р. Дасом, — партия, примиряющая методы Неприменения насилия с участием в Законодательных Советах, — одержала внушительную победу на выборах в конце декабря 1923 г.

Братья Али, признанные вожди индийских магометан и друзья Ганди, отбыв двухлетнее тюремное заключение, вновь заняли свое место во главе индийского национального движения; один из них, Маулана Мохамед Али, стал президентом Всеиндийского Конгресса.

Наконец, сам Ганди был выпущен на свободу.

Европа узнала об освобождении Махатмы. Но она не знает, в какой критический момент было дано это освобождение. От нее скрыли, что еще немного — и английское правительство увидело бы своего узника мертвым.

Он был заточен в Иераваде, близ Пуны (Бомбейская провинция). Уже в течение долгого времени он слабел; худоба его достигла крайнего предела. В декабре у него появились боли в кишечнике, на которые не обратили особого внимания; началась лихорадка. Его семья, лишенная возможности посещать его, была оставлена в неведении.

В начале января официальное спокойствие было внезапно нарушено. Состояние больного сделалось настолько тревожным, что спешно был вызван на консультацию полковник Маддок, «*Civil surgeon*», который установил тяжелый аппендицит в полном разгаре. Если бы не решительность хирурга, Ганди бы погиб. Маддок не стал дожидаться необходимых разрешений; под свою ответственность он тут же отвез Ганди на своем автомобиле в Сассунский госпиталь в Пуне; он положил его на носилки, которые нес сам с помощью нескольких студентов; и вечером (в субботу 12 января) сделал ему операцию. Никто ничего не знал об этом; семья была извещена лишь позднее. Но в стенах госпиталя и в официальных кругах царила сильнейшая тревога. Ответственность, лежавшая на английских властях, была чрезвычайно серьезна. Если бы Махатма умер, вся Индия поднялась бы.

Один только Махатма сохранял спокойствие и кротость. Чтобы снять с себя тяжелую ответственность на случай рокового исхода, власти за час до операции вызвали в качестве свидетеля вождя индийской либеральной партии, Састри, который был одним из политических противников Ганди, но

пользовался уважением последнего. И Састри рассказал в печати о том, что происходило в этот тревожный момент¹⁵³.

Ганди попросили подписать бумагу, в которой он давал согласие на операцию. Ганди надел очки, внимательно прочитал бумагу, попросив разрешения изменить текст, продиктовал письмо полковнику Маддоку: в нем он вежливо благодарил врачей и власти за внимательное отношение, высказывал доверие к своему хирургу и просил о немедленной операции. Затем он положил бумагу на колени и подписал ее карандашом; его рука сильно дрожала. Его оставили на несколько минут наедине с Састри, пока приготавливали операционную. Махатма спокойно вступил с ним в беседу, и вот его слова (привожу их буквально):

«...Мой конфликт с правительством продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока будут налицо причины, вызвавшие его. Здесь не может быть никаких компромиссов. Если правительство считает, что мои побуждения были хороши и что я не виновен, оно может отпустить меня: это сделает ему честь... Меня могут освободить, но это не должно быть сделано под вымышленными предложениями».

(Иными словами, как он повторил это после, он не примет освобождения по причине болезни.).

Он добавляет, что, *«глубоко расходясь с правительством, он любит англичан как таковых»*, и что если народ Индии будет вести агитацию после его освобождения, — *«чего он не желает»*, — он просит, чтоб это было в духе непричинения насилия.

Састри спросил его тогда, не желает ли он передать какое-либо Послание своему народу. Ганди должен был бы хотеть этого тем более, что после его заключения голос его смолк. Будучи осужден, он послал председателю Национального Индийского Конгресса письмо к своим соотечественникам, но оно было перехвачено правительством, которое хотело внести в него изменения: Ганди отказался от этого. Всякий на его месте в час операции, которая могла оказаться смертельной, воспользовался бы случаем передать своему народу свою последнюю волю. Но, с изумительным чувством рыцарской чести, представляющим одну из самых поразительных черт Махатмы и кажущимся сейчас почти анахронизмом, Ганди отказался. Он считал себя как бы обязанным хранить молчание.

Он ответил Састри, что является пленником правительства: и должен соблюдать кодекс чести пленника. Он считается граждански мертвым. Он не желает передать никакого Послания.

В эту минуту — было десять часов вечера — дверь открылась. За ним пришли, чтобы отнести его на операционный стол.

Операция продолжалась двадцать минут и чуть не оказалась, роковой из-за пустой случайности. Пациента только что захлороформировали, как погасло электричество. Побежали искать керосиновые или спиртовые

¹⁵³) Swarajya, Мадрас, вторник 15 марта.

лампы. После разреза был обнаружен скрытый абсцесс, гнойный и очень глубокий. В ране пришлось оставить тампон в шесть дюймов, чтобы очистить очаг инфекции. Ганди хорошо перенес операцию, но все же ночь прошла тревожно.

На другой день приехали извещенные, наконец, сыновья Ганди и затем его жена. В течение нескольких дней вся страна переживала лихорадочное беспокойство. Председатель Всеиндийского Конгресса, Мохаммед Али, назначил на 18 января общенародное моление по всей стране. Со всех сторон шли просьбы об освобождении Ганди, этого требовали даже правительственные газеты. Нужно было как можно скорее выйти из опасного положения, в которое угроза для жизни Ганди ставила тех, кто держал его в заточении. 17 января губернатор Бомбея был внезапно вызван в Дели к вице-королю лорду Ридингу. В конце месяца должна была открыться сессия нового Индийского Законодательного Собрания. Нужно было не дать ей пищи для агитации. И 4 февраля был дан приказ об освобождении.

И тотчас же Махатма, освобожденный от своих сомнений, получивший вновь свободу слова и мысли, отправил Послание председателю Всеиндийского Конгресса (7 февраля)¹⁵⁴.

Он начинает с сожаления об акте правительства, который не считает возможным принять как милость.

«Я огорчен, что правительство преждевременно освободило меня из-за болезни; такого рода освобождение нисколько меня не радует, ибо я считаю, что болезнь заключенного не является причиной для его освобождения».

С обычной для него благородной вежливостью он благодарит (не забывая никого) всех, кто в больнице или в тюрьме внимательно к нему относился. Он говорит, что еще на некоторое время считает себя неспособным к активной работе. Ему нужно несколько недель отдыха. Нужно также известное время, чтоб войти в курс нового, создавшегося в Индии положения: ибо он пробыл в заключении два года. Тем не менее он дает

¹⁵⁴) *Hindu*, Мадрас, 8 февраля.

«Как ни мало я знаком с настоящим положением страны, я знаю его достаточно, чтобы видеть, что национальный вопрос обстоит сейчас более сложно, чем во времена Бардоли. Без единства различных племен и религий всякая идея Свараджа (Home rule) лишена смысла. Это единство, которое я считал почти достигнутым в 1922 г., сильно пострадало, я имею в виду единство индусов и мусульман. Если мы хотим завоевать свободу, нужно вновь связать различные общины неразрывными узами. Я не прошу у вас благодарности за мое выздоровление. Ваше единение возвратит мне здоровье скорее всех врачебных забот. Мое сердце было огорчено всем тем, что я узнал о ваших несогласиях. Пока эта тяжесть будет лежать на мне, я не найду покоя. Я взываю ко всем, кто любит меня. Объединитесь. Я знаю, что эта задача трудна; но нет ничего трудного, если мы имеем живую веру в бога. Индусы, магометане, положите конец вашему взаимному недоверию. Страх рождается из слабости, а недоверие из страха. Отбросьте же ваши опасения. Даже если только один из нас перестанет бояться, мы перестанем ссориться. Я знаю, что в сущности мы любим друг друга, как братья. Я прошу вас разделить мою горячую, волю к единению...»

несколько определенных советов, из которых явствует, что он ни в чем не изменил своих первоначальных решений и своей программы действия.

Прежде всего необходимо восстановить единство всех сил Индии. В его отсутствие оно было поколеблено.

Что же касается его боевой тактики, то она остается прежней. Два года уединенного размышления лишь еще больше убедили его в ее действенности. Во-первых, — прялка, как единственное средство против обнищания. Единение племен. Уничтожение «неприкасаемости». Методическое применение Отказа от насилия в мысли, в слове и в действии...

«Если мы будем строго держаться этой программы, нам не придется прибегать к Гражданскому неповиновению. Но я должен добавить, что мои размышления не ослабили во мне веры в действительность и справедливость Гражданского неповиновения. Я утверждаю, что оно является оружием борьбы за право и долгом народа, когда самая сущность его жизни ставится под угрозу. Я убежден, что оно таит в себе меньше опасностей, чем война. В то время как Гражданское неповиновение в случае удачи приносит пользу обеим сторонам, война приносит зло как победителю, так и побежденному».

Он еще избегает высказывать свое мнение относительно тактики новой партии (*Swaraj*), основанной его другом К. Р. Дасом. Он находится перед лицом новой политической ситуации, которую хотел бы изучить, прежде чем судить. На выборах в Законодательное Собрание в конце декабря свараджисты (левые индийские националисты, сторонники Неприменения насилия, но в рамках парламентских методов, предоставленных им реформированной Конституцией) получили около половины из ста трех мест во Всеиндийском Собрании; в провинциальных Советах их партия почти повсюду оказалась наиболее сильной¹⁵⁵. Они воспользовались этим, чтобы тотчас же выставить (начиная с конца декабря) ряд требований и постановлений: требование отмены чрезвычайных законов, немедленное образование независимого правительства, созыв совещания для определения принципов индийской конституции, которая будет окончательно выработана новым Собранием» и даже создание федерации азиатских народов для освобождения Азии. Ганди не мог не считаться с уроками этих новых событий. Уважение и дружба, которые он питал к вождям этого движения, как, например, к К. Р. Дасу, чья искренность и испытанная вера

¹⁵⁵) С. Ф. Эндрьюс в статье в *Manchester Weekly* (1 февраля) прибавляет, что успех этот был тем более знаменателен, что партия Сварадж получила от Национального Конгресса разрешение участвовать в выборах лишь за несколько дней до подачи голосов. Очень большое число сторонников Отказа от сотрудничества, желавших строго следовать принципам Ганди, осталось в стороне от выборов. Если бы вся армия Несотрудников столкнулась между собой для проведения выборов, их победа была бы ошеломляющей.

были ему известны, тем сильнее побуждали его не осуждать, без серьезного рассмотрения, этот отход от своих принципов Несотрудничества.

«Не ждите от меня, — говорит он, — чтобы я высказал мнение по сложному вопросу об избрании членов Конгресса в Законодательные Советы и в Собрание. Хотя я ни в какой мере не изменил мнения относительно бойкота правительственных советов, трибуналов и школ, мне неизвестны факты, которые позволили бы мне судить об этих изменениях тактики. Я не хочу выражать никакого мнения, прежде чем смогу обсудить его с нашими знаменитыми соотечественниками, которые сочли себя вынужденными рекомендовать в интересах страны прекращение бойкота законодательных учреждений».

Он заканчивает повторением утверждения, что борется не с англичанами, а с их правительством и их политической системой угнетения.

Два другие послания, опубликованные в начале февраля, доказывают, что болезнь не сокрушила его энергии¹⁵⁶, и все старания врачей удержать его в покое не могли помешать ему выполнить свой долг вождя.

16 февраля¹⁵⁷ он публикует Декларацию по поводу последних событий в Южной Африке, где Парламент Союза рассматривает *Class Areas Bill* (Билль о границах поселения отдельных классов), загонявший индусов в самые узкие пределы. Ганди протестует против этого нарушения договоров, подписанных в 1914 г., и напоминает всю историю Южноафриканского движения.

25 февраля¹⁵⁸ он обращается с посланием к Сикхам Акали, которые недавно вступили в столкновение с британской полицией и подверглись кровавому расстрелу по приказу одного британского чиновника. Ганди призывает их к строжайшему неприменению насилия.

Как описать восторженные отклики Индии на весть об освобождении, — призыв Мохаммеда Али, постановившего посвятить день 10 февраля выражениям народной благодарности, — единение всех вероисповеданий в этом акте благоговейного преклонения, тридцатитысячный митинг в Бомбее, грандиозные магометанские процессии, празднества по всей Индии? Целые потоки любви изливались на Ганди, врачам стоило больших трудов оберегать от них своего выздоравливающего больного. Эта любовь захватила даже сиделок, которые за ним ухаживали, даже англичан; так, например, один старый отставной военный восьмидесяти двух лет, по словам английской газеты, через день является в больницу с букетом цветов, входит, ни у кого не спрашивая разрешения, горячо пожимает руку Махатмы и уходит со словами: «Ну, ну, мужайтесь, старина».

¹⁵⁶) Нельзя сказать, чтобы и в настоящее время Ганди был вне опасности (конец марта 1924 г.).

¹⁵⁷) *Bengalee*, Калькутта, 16 февраля.

¹⁵⁸) *Indian Daily News*, Калькутта, 28 февраля.

Он же, всегда тихий, всегда владеющий собой, заставляет себя подолгу говорить с посетителями. Он исхудал, высох: «Он кажется вдвое худощавее... Глядя на него, плакать хочется...»

Но кто слышит, как он говорит своим спокойным, кротким голосом, своей любезной предупредительностью, того до глубины души трогает его безмятежность, тех из знавших его до заключения, кто вновь встречает его теперь (как тот молодой парс, который недавно рассказал мне о своем посещении Ганди в больнице), поражает происшедшая в нем перемена. До тюрьмы чувствовалось, что, несмотря на всю силу его духа, он огорчен заботами. Теперь он весь — свет... «*Вот душа, которая поистине может считать себя в мире с миром*»¹⁵⁹.

Мы должны вновь оборвать эту главу в разгаре повествования, — оставляя за собою право продолжить ее в дальнейших изданиях книги. Мы останавливаемся в данный момент на том, что индийские *Свараджисты* отклонили в Собрании проект бюджета, — ради простой принципиальной демонстрации и чтобы предупредить правительство, что оно отныне должно считаться с ними. Они ожидают предложений Англии. Последуют ли эти предложения? А главное, придут ли они во-время? По-видимому, министерство рабочей партии не более склонно дать Индии самоуправление, чем предыдущие; а послание Рамзея Макдональда разочаровало не столько автора этой книги, который уже не питает больших иллюзий насчет европейской политики, сколько многочисленных друзей Индии и Англии. Мы признаем, что вопрос является трагическим для обеих сторон. Англия разорила Индию в свою пользу. Но если б она дала Индии политическую и экономическую независимость, рабочие Манчестерских фабрик были бы разорены в свою очередь. Ганди принадлежит к весьма немногочисленным людям, которые способны возвыситься над интересами одной из борющихся партий и стремиться найти решение, благоприятное для той и другой. Но необходимо, чтобы он встретил в Англии противников, равных ему по духовной высоте и пониманию. Осуществится ли это? Да поможет этому добрый гений британского народа.

Во всяком случае, Англия уже не пытается недооценивать силу своего противника и действенность его орудия — Непричинения насилия. Для европейских политиков, которые все еще склонны не признавать боевого значения последнего, я приведу в заключение выдержку из статьи одной очень умной и положительной газеты, свободной от подозрения в симпатиях к Гандизму, — *Manchester Guardian Weekly* (15 февраля):

¹⁵⁹) Дилип Кумар Рой. «Как мне хотелось бы привести здесь беседу с Ганди нашего друга Д. К. Роя, индусского музыканта, о музыке, 2 февраля в госпитале в Пуне. В ней чувствуется великое сердце Махатмы, религиозное преклонение его перед красотой искусства, доходящее до такой степени, что он «не представляет себе эволюции религиозной жизни Индии без музыки», но, как эллинские мудрецы и как Гете, он видит величайшее искусство в наиболее совершенной жизни» (*The Bombay Chronicle*, 5 февраля).

«Вдумаемся в необычайную силу политического оружия, вступившего в действие за последние годы в форме абсолютного бездействия. Первая предостерегающая демонстрация его в больших размерах была проведена суффражистками в виде голодовок. Синфейнеры были первоначально также организацией, предназначенной для абсолютно пассивного сопротивления; она считала как бы несуществующим все, что было английского в Ирландии: суды, почту, сборщиков налогов и полицейского агента... В настоящее время Пенджаб является лабораторией, где испытывается взрывчатая сила этого необычного и нового вещества, которое не взрывается, но может вывести из строя. Либеральный принцип гласит, что всякое правление должно основываться на согласии управляемых. В современном мире, даже в Индии, начинает казаться, что любое правительство может быть свергнуто, если значительное число его подданных организуется с целью не предпринимать никакого положительного акта для помощи ему, хотя бы даже не есть в его тюрьмах. Министерство Внутренних Дел было уже бессильно что-либо сделать, когда война прекратила женские голодовки; знает ли сейчас правительство Пенджаба, что именно ему надлежит делать? Мы все до сих пор привыкли смотреть на чисто пассивное сопротивление, на простой отказ выполнять хотя бы основные правила гражданского сотрудничества как на оружие, неизбежно оказывающееся недейственным во всяком случае перед лицом подавляющей, решительно примененной силы. Но, хотя этот вопрос еще не вполне ясен, возможно, что нам нужно пересмотреть наши представления о политической силе и признать в принципах вроде «подставить другую щеку» понятие эффективного политического действия, а не просто, как говорит Бэкон, принцип «отвлеченной монашеской морали».

Р. Р.

Конец марта 1924 г.

Автор этой книги, вновь просмотрев ее после пятидесятого издания, в связи с замечаниями своих индийских друзей, считает полезным резюмировать в нескольких словах события, происшедшие в партии Гандистов с 1924 г., и положение в Индии в июне 1926 г.

После выхода из тюрьмы и по выздоровлении Ганди был избран в 1925 г. председателем Всеиндийского Конгресса. Не изменяя своих основных принципов и отказываясь лично от всякого «сотрудничества», он уступил настояниям одной из секций свараджистов и в интересах Индии разрешил тем из своих сторонников, которые того желали, сотрудничество в форме участия в законодательных советах англо-индийского управления. Он особенно усиленно продолжал работать над восстановлением индусско-мусульманского единства (дело трудное, ибо британское правительство разжигает вражду), над развитием производства *хаддара* (туземная ткань) и над борьбой с неприкасаемостью (здесь гандисты одержали определенную победу в стране Траванкор).

По истечении срока председательствования в 1925 г. Ганди был заменен своей ученицей, индусской поэтессой Сараджини Найдугу. С тех пор он временно отказался от непосредственной политической деятельности. Удалившись в свой Ашрам (монастырь) в Сабармати, он посвящает себя размышлению, воспитанию детей и руководству учениками, а также пропаганде хаддара. Он является религиозным вождем, высочайшим моральным авторитетом Индии. Вожди Свараджистских партий приходят в его убежище просить у него совета; и в двух журналах, *Navajivan* и *Young India*, постоянно раздается его голос, указующий дорогу и твердо поддерживающий его принципы.

Р. Р.

Июнь 1926 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Mahatma Gandhi. Young India.* (1919—1922), с введением Бабу Ражendra Прасад. LXIV + 1200 стр., in 16°, 1922, С. Ганесан, Мадрас (Сборник статей Ганди, напечатанных в его журнале *Young India*).

Французский перевод этой книги, сделанный Еленой Гарт, появился с предисловием Ромена Роллана и портретом Ганди под заглавием: *La jeune Inde*, 380 стр., in 16°, изд. Stock, Париж, 1925.

2. *Mahatma Gandhi. Speeches and Writings (1896—1922)*, с введением С. Ф. Эндрьюса и биографическим очерком, 848 + 47 стр., in 16°, Натесан, Мадрас.

3. *Mahatma Gandhi*: а) *Hind Swaraj* (Индийское самоуправление), 1921, С. Ганесан; б) *Neethi Dharma (Ethical Religion)*, с введением Дж. Хольмса, С. Ганесан; в) *A Guide to Health* (Путь к здоровью), 1921, С. Ганесан.

4. Джозеф Дж. Док: *M. K. Gandhi, an Indian Patriot in South Africa*, с введением лорда Эмпсил, 1909, Лондон, *Indian Chronicle*.

5. *Souvenir of the Passive Resistance Movement in South Africa (1906—1914)*. *Golden Number of Indian Opinion*, 1914, *Phoenix*, Наталь.

(Эта ценная брошюра, изданная в типографии Толстовской колонии Ганди в Натале, представляет наиболее полное собрание написанных и воспроизведенных фотографических документов периода «Пассивного сопротивления» в Южной Африке.)

6. Проф. Калелкар: *The Gospel of Swadeshi* (Евангелие Свадеша). 1922, С. Ганесан.

7. В. В. Пирсон: *The Dawn of a New Age*, 1922, С. Ганесан.

8. С. Ф. Эндрьюс: *To the Students*, 1921, С. Ганесан.

9. Дж. Холмс: *Мохандос Карамчанд Ганди* (Введение в *Ethical Religion*).

10. *M. K. Gandhi. A Sketch of his Life and Work* (в коллекции *Biographies of Eminent Indians*), Натесан, Мадрас.

11. Манабендра Нат Рой: *India in transition* (в сотрудничестве Абани Мукерджи), 1922, Женева, Ж.-Б. Тарже.

12. Манабендра Нат Рой и Эвелина Рой: *One year of Non-Cooperation, — from Ahmedabad to Gaya*. изд. Коммунистической партией Индии, 1923, Калькутта.

(Автор этих двух брошюр, основанных на документах, — индус, изгнанный в Европу и проникнутый европейским духом, — в противовес Ганди, излагает коммунистическое учение.)

Полезно ознакомиться со следующими двумя источниками: 1) *Young India*, журналом Ганди, продолжающим выходить в Ахмедабаде (редактором-издателем является теперь его сын); 2) журналом *The Modern Review*, издаваемым Рамундой Чаттерджи в Калькутте, в котором выражается точка зрения Рабиндраната Тагора. — Журнал *Unity* в Чикаго следит с горячей симпатией за Гандистским движением. Его руководитель, Джон Хайнс Холмс, дал предисловие к индийскому изданию *Ethical Religion*.

13. *Rotapfel Verlag* в Цюрихе предприняло издание на немецком языке сочинений Ганди и капитальных трудов, относящихся к его жизни и деятельности. Пока появились:

a) *Jung Indien* (статьи с 1919 по 1922 г.).

b) *Gandhis Leidenzeit* (Письма и статьи, написанные в заключении с 1921 по 1924 г.).

c) *Gandhi in Süd Africa* (книга Дока, дополненная новыми документами).

d) *Ein Wegweiser zur Gesundheit* (Путь к здоровью).

Rotapfel Verlag публикует также *Eurasische Berichte* — ежегодник, первый том которого посвящен индусско-магометанскому кризису, великому посту Ганди и его позиции по отношению к большевизму.

14. Ганди, который возобновил издание своего двухнедельного журнала *Young India*, в настоящее время (1926 г.) печатает там свою автобиографию под заглавием: *The Story of my Experiments with Truth*. Трудно даже оценить в полной мере исключительный интерес этой исповеди, которая, далеко не имея характера самозащиты, освещает все слабости и заблуждения Ганди с кроткой и абсолютной правдивостью. Цель ее — в том, чтобы сказать миру: «Вы меня считаете героем?.. Я по природе человек посредственный, слабый, робкий, почти трусливый; все низменные мысли жили во мне; я не возвышался над общим уровнем среднего человека и стоял даже, может быть, ниже его. Если я тем не менее сделал то, что сделал, — как же много можете сделать вы все».

Ромен Роллан. **“Махатма Ганди”**

Источники текстов:

Р.Роллан. **“Собрание сочинений”**, т. XX, Л., "ГИХЛ", 1936
(Перевод с французского Т.Н.Кладо под ред. М.А.Салье)

Редактор: Адаменко В.В.
Эл. адрес: adamenko77@gmail.com

Макет создан: 25.08.14
Сдан в печать:

Тир. 999 экз.